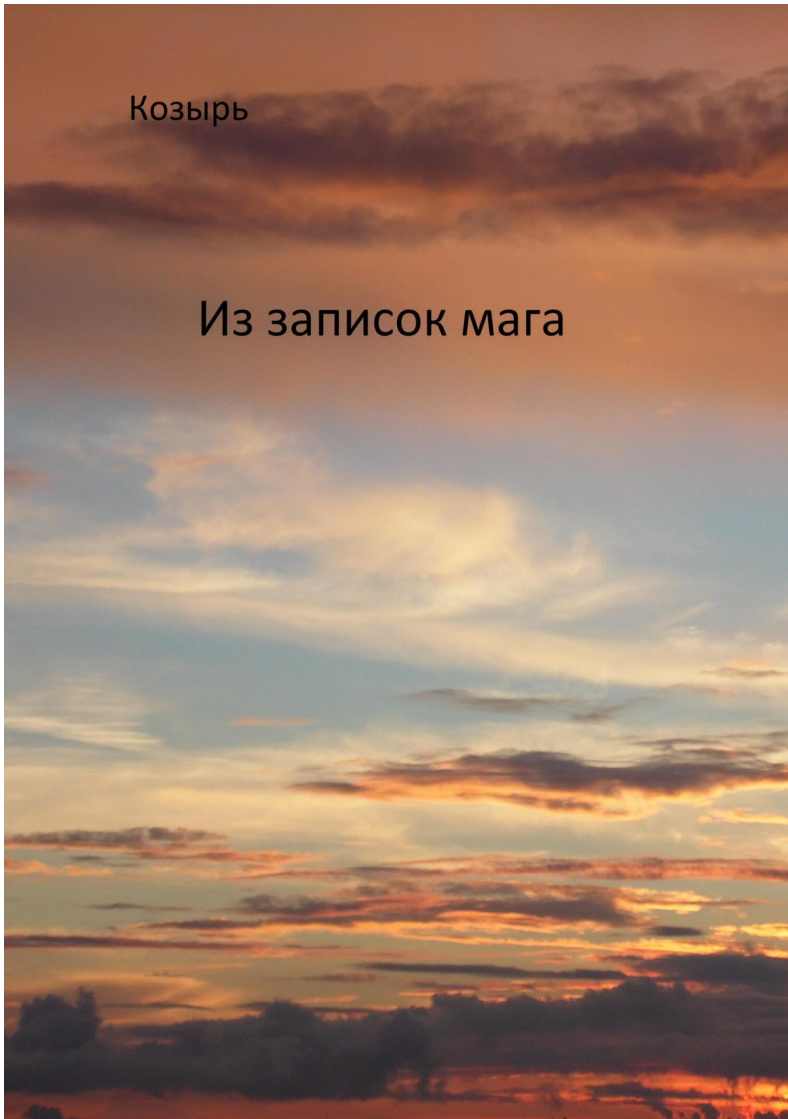

Козырь

Из записок мага

Козырь

Из записок мага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69250738

SelfPub; 2023

Аннотация

Большая сила – это всегда одиночество. Но может ли герой отказаться от всего ради любви? Через века и события пронесет он свое бесконечное стремление к любви, дружбе и пониманию.

Содержание

1.	4
2.	19
3.	36
4.	54
5.	73
6.	92
7.	111
8.	128

Козырь

Из записок мага

1.

Принц Семульгада достиг своего двадцатидвухлетия. Пышные торжества планировались в честь этого знаменательного события. Сотни слуг носились по просторным золотым комнатам дворца. Они чистили серебряную посуду, украшенную самоцветами, выбивали пыль из парчовых подушек и штор, расправляли гобелены, повествующие о доблестях молодого принца; они охапками расставляли изумительной красоты цветы, снопы пахучих трав, устилали полы мягкими шерстяными коврами и сухим камышом. Одним словом – вместо принца во дворце царил переполох.

В честь именинника были опустошены королевские винные погреба, забито сто быков и тысяча фазанов, множество прекраснейших невольниц готовились танцевать для именинных гостей.

Сенешалк с утра бегал весь в мыле, пена бешенства свисала с его толстых губ, а пот ручьями лился по жирному лицу: праздник был на грани срыва, принц отказывался участвовать в торжествах, принц хандрил и не выходил из своих покоев. И обвинят в этом сенешалка, скажут, конечно, что это

он не сумел угодить своему господину, и отрубят бедняге голову. Что бы ни делали приближенные рыцари и советники, ничего не помогало, ни музыка, ни любимые конкубины, ни кулинарные чудеса придворного повара, ни мудрые беседы – ничего не могло вдохнуть жизнь и улыбку в бледные хмурые уста принца. Придворный лекарь, осмотрев царственное тело, заявил, что ничем он не болен, а дело тут в тайной тоске, грызущей принца, сам же повелитель отказался поведать бедняге-лекарю причину своей грусти и пообещал вырвать ему язык, если он еще раз заикнется об этом.

Некогда сильный и бесстрашный правитель таял на глазах. Принц, любивший военные забавы со своими воинами, теперь и не появлялся во дворе казармы, не приглашал для бесед по стратегии военачальников, не занимался ни судом, ни государством, оставив все эти заботы на долю сенешалка. И вот, дабы разогнать тоску своего господина, сенешалк затеял праздник в честь его дня рождения, пригласил царственных особ, лучших людей, богатейших торговцев и доблестнейших рыцарей, но принц... отказался выходить нынче вечером к гостям, велел, если им так хочется, праздновать без него. Со вчерашнего дня никого принц к себе не допускал, слуг и конкубин он прогнал из королевских покоев и заложил дверь, все попытки принести ему еды или лакомств оказывались бесплодны. Приготовления к празднику были почти окончены, гости из дальних мест уже съехались, а он, сенешалк, принца Семульгада в отчаянии заламывал руки и

кусал локти.

Это было самым страшным, что он мог придумать: соберется весь цвет мира для того, чтобы... поздравить сенешалка. Многие воспримут это как оскорбление, политика государства пойдет под откос, а его, вернейшего патриота, казнят. От этого пот ручьями стекал по его толстому круглому лицу, застревая в складках подбородка. Сенешалк еще никогда так не боялся. Даже в молодости, сражаясь один против десяти воинов короля Пастранта, он не трясся, наверное, годы берут свое. Но это... такой нелепый и постыдный конец!

Устав, наконец, от мучительных терзаний, он сел на табурет возле кухни, откуда доносились соблазнительные запахи праздничного обеда, последнего в жизни сенешалка. Ну, надо же было случиться такому горю именно теперь, когда расцвет его власти затмил даже самого принца, предпочитавшего войну и развлечения государственными делами! Ему ничего не стоило уговорить молодого государя подписать любой приказ, а вот суметь развеять тоску он не смог – какой провал, какой позор для столь опытного политика!

Мальчишка-поваренок неся сломя голову с огромной стопкой тарелок и, запнувшись о вытянутые ноги сенешалка, со всего размаху шлепнулся о пол; тарелки вылетели у него из рук, и множество блестящих осколков брызнуло на каменный пол, произведя сильнейший грохот. Подняв чумазую головушку, мальчишка со страхом смотрел на сенешалка, который, в свою очередь, взирал на поваренка с бесконечной

грустью. Подождав немного, и видя, что его не собираются избивать, мальчишка встал на колени, подполз к сенешалку и бесконечным раболепием склонился перед ним.

Сенешалк хотел, было, закатить ему оплеуху, но почему-то передумал.

Ошеломленный поваренок, ожидавший удара и посему поводу зажмуривший глаза, чтобы было не так больно, открыл сначала один глаз, затем другой, и, видя уже, что с сенешалком что-то неладно, поцеловал его башмаки.

Это позабавило знатного вельможу, и он улыбнулся, правда, очень грустно.

Увидев улыбку, добрую, на лице сенешалка, мальчишка онемел окончательно, он никак не мог взять в толк, а доброта господина пугала больше, нежели привычная жестокость.

– Иди отсюда, мальчик, – как и любая забава, надоела сенешалку и эта.

Поваренок отошел к куче осколков и начал собирать их, но вдруг, найдя что-то заслуживающее внимания, подполз обратно к сенешалку и молча протянул ему на маленькой и не очень чистой ладошке золотой зуб, самый настоящий, кошунственный, кошмарный, постыдно-невероятный, вызвавший у сенешалка невольное содрогание. Но, подчиняясь какой-то неведомой силе, он взял предложенный дар. Эта беда окончательно сломила прожженного политика, и, уронив голову на руки, он горестно, бесслезно заплакал.

Видя такое преступление всех правил, мальчишка неволь-

но проникся идеей о своем великом предназначении. Разве небеса не лишили его родителей и не бросили у ворот королевского дворца, разве не смягчили они сердце жестокого господина и не отвели его руку, разве не стал он свидетелем постыдного и тайного горя железного сенешалка? Так он, вероятно, способен на большее, надо только спросить на что.

– Чего желает мой господин? – без малейшего подобострастия, чистым звонким мальчишеским голосом спросил он.

Сенешалк, не поднимая головы, только махнул ему рукой, не обратив внимания на открытую непочтительность его тона.

Невероятно осмелев, поваренок повторил свой вопрос. Только тогда сенешалк поднял голову и с сожалением подумал, что уже даже слуги смеют ему перечить. И снова не стал он бить мальчишку и грустно ответил:

– Твой господин желает, чтобы ты оставил его. Нет, стой! – спохватился он, видя, что мальчик собирается вернуться к своим черепкам. – Поди в залу и принеси оттуда бутылку вина.

Просиявший поваренок со всех ног кинулся выполнять поручение, босые пятки сверкали на мягких коврах и каменных лестницах, пока не принесли его к дверям пиршественного зала, там десятки слуг, как пчелы в улье, кружились вокруг длинного стола, ломившегося от наставленных на него яств.

Вывхватив у подбежавшего служки блюдо с жареной дичью и качаясь под его тяжестью, мальчишка прошмыгнул в залу. Прикрываясь жарким, как щитом, он стащил со стола бутылку вина, сунул ее в штаны, грохнул на стол блюда и нараскоряку побежал к выходу под удивленными взглядами слуг. Миновав недоверчивых стражей поневоле, он стремглав помчался к кухне, где оставил своего безутешного хозяина, но с огорчением увидел, что табуретка сиротливо стоит у стены, а сенешалка нет.

Наверное, потребность быть нужным, помогать и сочувствовать была в мальчишке сильнее голоса разума, который советовал ему заняться кучей осколков, иначе как объяснить тот факт, что махнув рукой на битую посуду так, как не махнул бы и сам король, он не побоялся пойти на поиски сенешалка.

Остановив важного распорядителя, он осведомился у него, где найти сенешалка, ибо он приказал принести ему бутылку вина. Распорядитель, конечно, не поверил, но указал мальчику путь, возможно, в нем говорила природа зверя, предвкушающего муки бедняги, посмевшего нарушить покой вспылчивого сенешалка.

Но он ошибался: не было покоя господину сенешалку. Безуспешно пытался он достучаться в покои принца, напрасно через дверь уговаривал его выйти к гостям – сенешалка послали туда, где живут недоброжелательные существа. Легко представить отчаяние, завладевшее почтенным господи-

ном от последних слов принца, определенно, дни, нет, часы его жизни были сочтены. Огорченный, он удалился в свои покои и предался, как и принц, черной меланхолии.

Сенешалк засунул руку в карман, желая достать платок, весьма ему нужный, но нащупал лишь золотой зуб; с омерзением смотрел он на него, вертя мясистыми пальцами, чувствуя, что сама судьба насмехается над ним. Невольно он вспомнил глупого мальчишку-поваренка, так наивно и доверительно подарившего ему эту гадость, и что нашло на него, высокомерного и грозного, чтобы он так милосердно отнесся к слуге. Господин сенешалк поднял голову и чуть не подавился от неожиданности слюной: перед ним стоял тот самый мальчик и протягивал бутылку вина, и это было выше сил небесных!

– Как вы и просили, мой сир, – лучезарно улыбаясь, как другу, сказал мальчонка и ловко вытащил зубами пробку, затем, нисколько не смущаясь, налил вино в кубок и подал безвольному министру, парализованному возмущением и удивлением.

Сенешалк машинально отхлебнул вина и окончательно сдался: этот мальчишка возымел над ним какую-то магическую силу, или быть может, это переживания сделали его таким мягкотелым и безвольным. Как бы то ни было, он не стал сопротивляться и позволил усадить себя на скамью, более того, он сам водрузил мальчишку к себе на колени. Если бы кто-нибудь в тот момент вошел в покои и увидел его

с чумазым поваренком на коленях, кубком вина и золотым зубом, он бы наверняка решил, что сенешалк рехнулся.

– Надо положить зуб в кубок и произнести заклинание, – пошутил мальчик, видя, что сенешалк не знает, что делать с тем и другим. И как ни странно, господин в самом деле бросил зуб в вино.

– А ты знаешь это заклинание? – спросил он.

– Нет, – задумчиво ответил мальчик. – Но мне кажется надо сказать так: когда восходит солнце, как зуб золотой, рождаясь в море, как в вине, и не оскверняется оно от дыхания волн, так и не осквернится и вино это от дыхания моего.

Сенешалк озадаченно заглянул в чарку.

– Да, верно, – сказал он. – Верно, верно.

Неизвестно, что увидел он в вине, но лицо его вытянулось, глаза округлились, а губы скривились еще больше.

– Пожалуй, это не очень похоже на заклинание, – задумчиво сказал мальчик. – К тому же принц запрещает заниматься колдовством, так что мы с вами преступники!

– Это не имеет значения, – сказал сенешалк. – Я выпишу нам помилование.

Поваренок расхохотался и похлопал сенешалка по щеке, отчего тот снова сник.

– А это вино можно выпить, – мальчик указал на кубок, который сенешалк до сих пор держал в руке. – Оно придает силы.

Сенешалк залпом опустошил кубок, почувствовав окры-

ляющий прилив сил, будто бы здоровье вернулось к нему, и годы забот упали с плеч, и румянец заиграл на щеках.

– Совсем, совсем другое дело! – воскликнул мальчик и чмокнул сенешалку в нос. – Теперь расскажите мне, кто обидел вас и чем. Жаль, что у вас, как и у меня, нет родителей, чтобы защитить, поэтому мы должны держаться вместе.

Вероятно, господин сенешалк мог бы и не согласиться с мальчиком, но он ничего не возразил, а лишь тяжело вздохнул.

– Принц охвачен тоской, и ничего не радует его. Великие гости собираются на сегодняшнее празднество, на завтра планируется большая охота, горы подарков ждут его, а он... сказал, что ни за что не выйдет из своих покоев, гости же могут стоять хоть на головах, но... без него. Так он сказал. Никакие уговоры не помогают, ни лекарь, ни звездочет не могут сказать ничего толкового, а всех остальных колдунов принц прогнал из королевства или сжег. Дорого бы я дал, чтобы отыскать человека, способного помочь нам, щедро бы одарил того, кто снял бы порчу с принца!

– Да нет на нем никакой порчи! – возмущенно воскликнул мальчик. – Принцу снятся странные сны, он сам слишком увлекся колдовством!

– Откуда ты знаешь? – удивленно вздрогнул сенешалк.

– Недавно я видел его за рекой на белой лошади мага Гарбальда, которого, вы помните, казнили в прошлом году. Принц кричал заклинания, и сверкали молнии! – голос маль-

чика был полон святого страха. – Наверняка, он доколдовался, – глубокомысленно заметил он.

– Что же делать? – задумался сенешалк, потом очнулся и всполошился. – Почему мне не доложили об этом! Я велю казнить личных стражей принца!

– Они не могли ничего знать, – мальчик обнял сенешалка за шею, успокаивая его гнев, – ведь он был невидим.

– Вот как! – удивился сенешалк. – Но как же тогда ты его увидел?

– О! Очень просто! – рассмеялся он. – Ведь лошадь была видима, она и сказала мне, что на ней сидит принц и кричит заклинания, которые нельзя произносить смертному.

– Лошадь сказала? – переспросил сенешалк.

– Ну да! Она бы предупредила принца, если бы умела говорить по-человечески, но Бог не наделил ее таким правом. И вот с той ночи принца мучают сны и видения, потому что не надо было произносить те заклинания.

Сенешалк молча переваривал услышанное. Да, вероятно, мальчик прав, и принц, в самом деле, увлекся тайными знаниями, но эта говорящая лошадь...

– Ты что умеешь разговаривать с животными? – спросил он.

– Нет, – мальчик с сомнением посмотрел на сенешалка, как на чудака. – Люди не умеют разговаривать с животными.

– Тогда как, черт побери, ты узнал, что она сказала?! – вспыхнул сенешалк.

Мальчик ничего не ответил и только опустил голову, как провинившийся школяр. И куда-то опять делся гнев сенешалка, и улыбка тронула его усы.

– Ладно, – примирительно сказал он. – Но что же такого страшного снится принцу, что он не желает видеть людей?

– Это знает только принц, – ответил мальчик.

– А ты? – пытливо спросил сенешалк.

– Откуда мне знать? Он не рассказывал, – тихо сказал поваренок.

– Но ведь ты сказал, что эти сны странные и видения ужасны, – уличил его во лжи сенешалк.

– А как же! Лошадь его предупреждала.

– А может она нам рассказать, как вернуть принцу здравый рассудок?

– Нет! – нетерпеливо возразил мальчик. – Она же просто лошадь!

– Что же делать? – приуныл сенешалк.

Мальчик призадумался.

– Мне кажется, – сказал он после недолгого молчания, – что мы должны увидеть эти сны, тогда вы сможете поговорить с ним по душам и переубедить, сказать, что ничего страшного не случилось.

– Как мы можем увидеть сны принца? – удивился сенешалк.

– Пойдем.

Мальчик поднялся и, взяв сенешалка за руку, сказал:

– Веди меня к покоям принца.

Окончательно потерявший веру в себя сенешалк повел поваренка к королевской опочивальне. Знаком удалил он стражников, дежуривших у дверей, и остался в коридоре наедине с мальчиком.

– Я думаю, – шепотом сказал мальчик, – что нужно сделать так, – и он приложил ладошку к толстой дубовой двери, тут же сенешалк почувствовал, как рука его, державшая мальчика, вспотела холодно и липко.

– Не отпускай мою руку, – прошептал поваренок, – и внимательно смотри на дверь.

Послушный сенешалк уставился на дверь и старательно смотрел до тех пор, пока она не исчезла. Когда он понял, что двери нет, он сообразил, что нет и пола, и стен, и вообще, он стоит на камне, а вокруг расстилается страшная трясина. Он перевел испуганный взгляд на мальчика, но вместо него увидел принца.

– Вот видишь, вокруг болото, – грустно сказал принц, – и нам не выбраться отсюда никогда.

Панический ужас охватил сенешалка, он задергался, пытаясь освободить руку, заметался по камню. Наконец, он выдернул свою руку из тисков принца и, увидев, что нога его соскальзывает в трясины, со всей силы навалился на его высочество, чтобы было, где стоять. Принц закричал и, не удержавшись, упал в болото...

Там, за дверью, в самом деле, раздавались душераздира-

ющие крики:

– Помогите! На помощь! Помогите!

И откуда взялись эти стражники, и стали ломать двери, оттеснив сенешалка и поваренка к стене. О! эти двери были крепкими, их делали так, чтобы и тысяча врагов не попала в покои принца.

– Ломайте, ломайте эти чертовы двери! – заорал сенешалк, придя, наконец, в себя. – Он же утонет! Скорее! Шкуру спущу, казню!

Стражники удвоили старания, спасая уже не принца, а свои жизни. И дверь затрещала, закрипела под напором обреченных, а крики за дверью стали еще более жалобными.

Сенешалк выхватил свою золотую плетку и прошелся ею по спинам стражей, приправив сие действие крепким словом. И, о чудо! от заклинания этого дверь поддалась и слетела с петель.

Принц лежал на полу, тело его нервно дергалось, с искусанных губ стекала кровавая пена, он тянул к потолку правую руку, а пальцы его были крепко сцеплены, словно держали что-то невидимое. Это зрелище испугало и потрясло стражей и сенешалка, который выразил свое душевное состояние в еще одном крепком заклинании. Не растерялся лишь мальчик. Он подтолкнул к принцу одного из стражников и, схватив его за руку, вложил дрожащую ладонь воина в скрюченные пальцы его высочества, который тут же намертво вцепился в нее.

– Держи крепко, – напутствовал мальчик, видя, что стражник согнулся, будто бы держал тяжелую ношу. – Держи или он утонет!

Мальчик еще раз внимательно посмотрел на лицо принца и сказал:

– Теперь все берите его за руку и тащите, тащите! Он уже задыхается и вот-вот умрет!

Два раза повторять ему не пришлось. Стражники, сенешалк, да и сам мальчик схватились за царственную руку и начали тянуть изо всех сил: и вот уже они тянут его за плечи, за пояс, выдирают ноги, запутавшиеся в тине, – и принц с тяжелым стоном падает на пол.

Все в испуге отскочили, на лицах стражников был написан суеверный ужас, сенешалк свирепо перебирал амулеты. Только маленький мальчик не побоялся подойти к одержимому принцу и помочь сесть.

Принц был жалок, вся царственность слетела с него, губы тряслись, запавшие глаза нехорошо блестели, пот нечеловеческого усилия скатывался по лицу.

– Хорошо бы вам сейчас вина с золотым зубом, – задумчиво сказал мальчик, убирая с его лица слипшиеся пряди волос.

– Нет, – слабо ответил принц со страдальческой улыбкой, адресованной поваренку. – Хватит с меня магии...

Праздник удался на славу. Не было пира веселее, чем

на двадцатидвухлетие принца Семульгада. Тонны яств съели гости, выпили сотни бочек вина, стоптали не одну пару сапог, а музыканты оборвали струны. Все славили принца! Прекрасные невольницы с темными глазами прислуживали именитым гостям. Поистине царские дары преподнесли имениннику: породистые лошади, собаки, оружие, редчайшей красоты драгоценности и рабыни, – все это было положено к ногам великого принца Семульгада. А на следующее утро все, кто мог стоять на ногах или хотя бы ехать на носилках, отправились на большую королевскую охоту. Уезжали гости чрезвычайно довольные гостеприимством хозяина и его королевской щедростью.

Много подвигов совершил принц Семульгада, много легенд и баллад сложено о его героических деяниях и хмельных развлечениях, но никто и никогда еще не слышал этой!

А сенешалк? На следующий день после пира он подал в отставку и уехал в свой маленький замок на границе. Думается, до конца дней своих он был счастлив.

2.

– Право же, это просто невероятно! – капризно и весьма недовольно сказала графиня Пиро и потянула носом.

Ее, вроде как, камеристка, девица Кармино в темноте кареты сделала своей мадам рожу и ответила на возмущение:

– Да-да, просто невероятно. Безобразие. Ваш младший брат заслуживает наказания. На вашем месте я бы приказала выпороть его.

– К счастью, ты не на моем месте, – резко ответила графиня, тревожно всматриваясь в не предвещающую ничего хорошего темноту за окошком. – О, Господи! Честное слово, мне этого не пережить. Что нам теперь делать?

– Может быть, мы пойдем пешком? – робко предложила Кармино.

– Уж не лишилась ли ты разума, дорогая?! – возмутилась графиня. – Как тебе в голову могло прийти такое! Об этом не может быть и речи. На этих ужасных кочках ничего не стоит порвать прекрасные бархатные туфельки.

Кармино немного помолчала, в темноте кусая губы, но все же не справилась с болтливым языком и сказала:

– Ваши бархатные туфельки не идут ни в какое сравнение с нашими жизнями, мадам!

Мадам потянула багровым от холода носом и наотмашь, наугад, ударила Кармино по лицу перчаткой.

– Куда мы пойдем ночью?! Может быть, этот болван все же вернется, – неуверенно добавила она.

– Что было бы так же невероятно, если б сейчас наступило утро, – сердито проворчала Кармино, прижимая руку к обожженной ударом щеке.

– Как же так! – не переставала вздыхать Пиро. – Со мной такое в первый раз.

– Все когда-нибудь случается в первый раз, – не переставала подначивать ее Кармино. – Но, мадам, оставаться ночью одним в карете на лесной дороге – сущее безумие. Мы можем стать легкой добычей бандитов или нечестных путников.

– Можно подумать, что если мы пешком будем пробираться по лесу, то не станем их добычей!

– Ну, тогда нас примут за бедных странниц и не тронут.

– Не будь наивной, дорогая. Я не двинусь отсюда, пока не вернется этот негодник или хотя бы не наступит утро!

То ли зверь какой пробежал возле кареты, то ли змея неудачно выползла под ноги лошадям, но они, испугавшись, резко дернулись в сторону и опрокинули графскую карету вместе с ее драгоценным содержимым.

Душераздирающий визг двух перепуганных женщин, смешавшись с ржанием коней, эхом пронесся по лесу, заставив птиц вспорхнуть из гнезд своих и зверей забиться в норы; рысь, готовая к прыжку, чуть не свалилась с дерева, а жертва ее со всех ног кинулась в чащу.

Первой пришла в себя Кармино, оказавшаяся в очень

неудобной позе между ног госпожи. Напрочь сдирая оборки, она кое-как высвободилась из юбок госпожи и, путаясь в своих, приняла устойчивое положение на дверце кареты.

Госпожа ее с громкими стонами бесцельно перебирала конечностями, пытаясь определить нахождение пола. С отвращением посмотрев на это, в самом деле, неприятное зрелище, Кармино схватила Пиро за ворот и поставила ее на ноги.

– Господь все милостивый, прости меня грешницу! – взмолилась графиня, уцепившись за камеристку. – Не дай мне погибнуть, как еретичке! Спаси душу мою! Да святится имя твое...

– Аминь, – перебила ее Кармино. – Как женщина высокого сана и роста, я думаю, вы просто обязаны открыть эту дверцу, что у вас над головой, иначе карета станет нашим склепом, черт побери!

– Не богохульствуй, – крикнула на нее графиня и, протянув руку, попыталась открыть дверь, но ее заело, и задвижка, возомнив себя, Бог знает чем, не открывалась.

– Ну-ка, приподними меня! – велела Пиро.

Кармино обхватила пышные формы своей госпожи и, кряхтя, приподняла ее. Графиня уцепилась за задвижку, сильно толкнула ее и, произведя по законам природы отдачу, свалилась на камеристку.

Теперь уже графине пришлось поднимать Кармино, которая в отчаянии проклинала все кареты на свете.

– Взбодрись, сестра моя, ибо путь свободен. Спасибо, Гос-

поди, – облегченно сказала графиня и, подпрыгнув, уцепилась за край двери и выползла наружу.

Даже не подумав помочь Кармино, она легко спрыгнула с перевернувшейся кареты и посмотрела на свет Божий. Увиденное привело ее в страх, и Пиро благополучно отправилась в обморок.

Когда кончилось спасительное бесчувствие, а притворяться дольше было просто неприлично, графиня поняла, что никто не придет ей на помощь, и открыла глаза. Черные громады дубов склонили свои мощные ветки над дорогой, теряющейся в непроглядной темноте, только бриллиантовые звезды и тощий серп месяца освещали приبلудную графиню и ее камеристку в ночном лесу.

Кармино схватилась трясущимися руками за свою госпожу и спрятала лицо в ее шевелящихся от страха локонах.

– Мужайся, дорогая, – прошептала графиня, боясь своим голосом нарушить лесную тишину, – ибо Господь всемогущий не оставит нас. Успокойся.

Она утешительно погладила камеристку по голове, чувствуя, что сама не в меньшей степени нуждается в утешении и вот-вот с нею случится истерика. Но графиня, несмотря на свою капризную и женственную натуру (что, согласитесь, одно и то же), все же была человеком практичным и, вероятно, родись она мужчиной, стала бы великим деятелем мира денег и богатств. Но Пиро была женщиной, и те времена указывали женщине на ее единственно естественное пред-

назначение – быть матерью и женой. Преуспев во втором, она, тем не менее, была не способна на первое, что отражалось в ее жадном и сварливом характере отчаянной потаскухи. Больше всего на свете она любила деньги, драгоценности и власть. И любовь эта была взаимной. Прожженная интриганка, графиня была прекрасной и стоящей женой для своего мужа-политика, именно поэтому он терпеливо сносил и взрывы ее истеричного гнева, и капризы, и любовников, сносил насилие над его гордостью и слугами, сплетни и шепот за спиной. Зная, что нужна и полезна, графиня не делалась от того более мягкой и доступной, наоборот, чувство превосходства над другими было вторым целеопределяющим в ее жизни мотивом. Ко всему прочему Пиро была признанной красавицей.

Подавив комоч слез, застрявший в горле, подавив готовый сорваться с высокомерных губ крик, Пиро оторвала от себя камеристку и решительно вернулась к карете, стараясь не обращать внимания на дрожь в коленях.

– Госпожа! – удивленно воскликнула Кармино, прижимая к груди холодные руки.

Госпожа подобрала у дороги кривой сук и забралась на карету. Затем она запихнула сук в проем дверцы и начала терпеливо шарить им в пространстве кареты.

Кармино с ужасом смотрела на свою госпожу, не в силах понять ее действий, боясь ее такую, не в своем уме, и тихо плакала. Остаться одной, не считая сумасшедшей пифии, в

ночном лесу без малейшей надежды на спасение, – это было слишком для столь хрупкого создания.

Зловещая графиня радостно вскрикнула и совсем не здорово рассмеялась, повергнув камеристку в немой ужас, потом ловко вытянула сук, на крючковатом конце которого висел небольшой инкрустированный сундучок.

– Вот он, мой милый, – радостно сказала Пиро, прижимая к груди выловленную добычу. – Раз уж нам не судьба остаться в карете и ждать утра, так нет смысла оставлять там драгоценности.

Эта сентенция убедила Кармино в здравом рассудке ее госпожи. Если уж Пиро беспокоится о своих бриллиантах, значит, все в порядке.

Тем временем, графиня спустилась с кареты, намертво прижимая к себе сундучок, и надменно велела камеристке скинуть плащ.

Кармино заметно обеспокоилась, но все же исполнила повеление госпожи. Пиро, затаив дыхание, открыла сундучок и извлекла из него необыкновенной красоты бриллиантовое ожерелье. Ровно сто одиннадцать крупных и мелких чистой воды камней сверкнули своими гранями в тусклом лунном свете, нежной россыпью огоньков окутали руки графини, закачались, заискрились в глазах камеристки. Графиня приложила камни к груди Кармино и застегнула ожерелье на ее шею. Холодная жгучая тяжесть повисла на открывшей от удивления рот незнатной бесприданнице, в одно мгновение

превратив ее в королеву.

– Надень плащ, – грубый голос госпожи вернул Кармино на землю. – Надень и не смей снимать. Ты отвечаешь за мои камни жизнью, поняла?

Это Кармино было ясно, как день. Чего уж проще? Если за камни и снесут голову, то не госпоже, а ей, служанке. Ведь секрет замка, защелкнувшегося на ее шее, известен только Пиро, значит, если грабители захотят снять ожерелье с Кармино, прежде они снимут ей голову. От этого тяжелей стала бриллиантовая нить, она будто притягивала другое, холодное, железное, острое. Чувство страха смерти с невероятной силой вспыхнуло в Кармино, и она со слезами упала на колени перед Пиро.

– Умоляю, госпожа, – всхлипывала она.

– Прекрати! – прикрикнула графиня, отпихивая камеристку. – Ничего не случилось и не случится. Доберемся до города, я сниму его с тебя, и все дела. Не о чем плакать, дура. Если не будешь снимать плащ, никто никогда не догадается, какое ты сокровище. Вставай и пошли.

Рыдая, Кармино поднялась на ноги и потащила по ночной дороге вслед за своей хозяйкой.

Темен был лес. Темен и страшен. Непроглядна – дорога. Две женщины, держась за руки и лязгая от страха зубами, как мышки, тихо, брели по камням, прижимаясь к лесу, боясь не столько зверя лесного, сколько лесного человека.

Но что бы там ни было и как бы там не было, в самый глу-

хой час, перед рассветом, усталость подкосила бедных женщин и заставила их сесть в своих прекрасных нарядах прямо на землю. Холод сроднил госпожу и служанку, и они, обнявшись, молча взирали на темень, думая каждая о своем.

– Какая же все-таки сволочь, этот мой брат! – глубоко-мысленно заметила Пиро. – Бежать, бросив меня на дороге, польстившись сельской потаскушкой! Зачем, зачем я согласилась поехать на этот приватный вечер маркиза Нери?!

Кармино промолчала, ибо ей на ум пришла та же мысль.

– Ты права, – продолжила госпожа. – Он заслуживает палок. Нет, он заслуживает смерти, хотя это было бы слишком щадящим наказанием для этого выродка. Прости, Господи!

– Да, госпожа, – тихо сказала Кармино. – Вы милостивы.

Если камеристка графини и питала кое-какие иллюзии относительно своей госпожи, то после нескольких часов, проведенных с нею в ночном лесу, эти иллюзии развеялись, как утренний туман над рекой. Она и раньше считала хозяйку лживой, надменной, жестокой, но почему-то не принимала в расчет, что она может быть такой и по отношению к самой Кармино. Она вспомнила, совершенно некстати, мерзкие слухи о своей госпоже, пакости, в которых принимала невольное участие, оргии и разнузданные пиры, и если раньше все это казалось ей увлекательнейшим образом жизни, то теперь она глубоко сожалела, что не ушла в монастырь.

Кармино уже почти дала себе монашеский обет, когда графиня прервала ее внутренний монолог тихим вскриком.

– Посмотри, дорогая, – прошептала Пиро, хватаясь за руку камеристки, – кажется, кто-то идет по дороге, я вижу движущуюся тень.

Кармино присмотрелась и, в самом деле, узрела в темноте еще более темное пятно, которое, насвистывая, приближалось.

– Умоляю, графиня, – как можно тише прошептала камеристка, – умоляю, ни звука, иначе мы пропали!

Две женщины замерли и затаили дыхание, но им казалось, что бешеный стук сердечек выдает местонахождение несчастных спутниц.

Тень поравнялась с ними, и женщины отчетливо услышали слова тихой песенки, которую путник прежде насвистывал.

Я брожу из края в край,
Не ищу покой и рай.
Женщин мне, огонь их рук,
Мясо, выпивка и друг.

Песенка оборвалась, и путник, уже миновавший невольных путешественниц, внезапно остановился. Не поворачивая головы, он громко, почти святотатственно в таком тихом лесу, спросил:

– Интересно, что делают ночью на лесной дороге две столь прекрасные дамы?

Испутив тихий вздох, графиня без сознания упала на руки камеристке. Кармино столкнула ее с колен и смело, почти отчаянно, подошла к незнакомцу, скрытому от нее ночью, плащом и широкополой шляпой.

– А это, синьор, вас ни в коей мере не касается, – с вызовом ответила она.

Незнакомец удивленно присвистнул и сказал:

– Милая сеньорита, это, конечно же, не касается меня, но если вы попали в беду, для меня было бы честью оказать вам посильную помощь. К тому же ни время, ни место не подходят для приятных прогулок, лишенных мужского присутствия, ибо, поверьте мне на слово, женщина слаба.

Кармино могла бы и не согласиться с полуночным насмешником, но слезы страха и отчаяния сами брызнули из ее глаз, и она, сквасившись, разрыдалась.

Незнакомец ласково обнял девушку, чем напугал ее еще больше и, поняв это, галантно отступил, позволив ей реветь в одиночестве. С состраданием протянул он ей расшитый кружевом платок, пахнувший чем-то необъяснимо приятным. И высохли слезы на расстроенных щеках, и глаза по-другому заблестели. Пользуясь минутой, Кармино попыталась прочесть монограмму в уголке платка, но свет звезд был слишком слаб. Она промокнула остатки слез и нерешительно посмотрела на утешителя.

– Кто вы, я спрашивать не буду, – ласково сказал он. – Я даже не поинтересуюсь, как вы оказались здесь в такой час.

Но мне не дает покоя вопрос: чем я могу быть полезен самому прекрасному существу, что я когда-либо встречал?

Графиня, слышавшая последние слова незнакомца, пошевелилась и, заставив вздрогнуть и Кармино, и случайного прохожего от неожиданного ее вступления, томно сказала следующее:

– О, милостивый государь! Под небом еще не рождалось существо несчастнее меня. Брошена одна, в лесу, я дрожу при мысли о том, чтобы продолжить путь, полных неведомых опасностей. Я бедная женщина и, к сожалению, не смогу отблагодарить как следует за ваше благородство и желание проводить нас хотя бы до ближайшего человеческого жилья, но, видит Бог, я буду вспоминать вас в своих горячих молитвах, ибо я верю, что вы честный человек, и не бросите меня в беде.

Почувствовав, что незнакомец улыбается, Кармино хихикнула и спрятала лицо в широком рукаве своего плаща.

Графиня же, сообразив, что поднимать ее с земли никто не собирается, сама встала и, внутренне рыча от негодования, подошла к нахальному путнику, не поддавшемуся силе ее чарующего голоса. Пиро успокаивала себя тем, что мужчина еще не видел ее лица, иначе давно бы уже подхватил ее на руки и вынес из леса. Подойдя, она встала так, чтобы тусклый свет выгодно вычерчивал из темноты ее женственный профиль, очаровательный носик, чувственную складку губ и похотливый блеск глаз. Но это почему-то не произвело

на незнакомца ожидаемого впечатления, и он лишь спокойно сказал:

– Буду необыкновенно счастлив проводить вас, мадам, и вас, – и он чуть заметно кивнул Кармино.

Бедняжка Кармино залилась краской, сердечко ее застучало. Нет, видит Бог, это был даже не намек, не комплимент, это был жест вежливости, так отчего же она готова хоть всю жизнь идти за случайным путником, возымевшим над ее чувствами такую странную и могущественную власть!

Графиня смазливо улыбнулась и бесцеремонно взяла под руку незнакомца, тот не стал сопротивляться и позволил роскошной красавице вести себя. Кармино, с замиранием сердца, пошла рядом, стараясь не коснуться незнакомца даже рукавом.

– Как же вас зовут, благородный сир? – поинтересовалась графиня.

– Я имею честь быть доном Родриго Альбана-и-Бланко из Мадрида, собственной персоной. Путешествую, милейшая донна, смотрю эту вашу жизнь.

– И как вам нравится эта наша жизнь? – спросила заинтригованная и очарованная тоном Родриго Пиро.

– Что же, жизнь, за некоторыми исключениями, одинакова повсюду. Увы, этот закон я открыл слишком рано, так и не успев насладиться счастливым неведением...

– Что это за исключения, кабальеро? – спросила Кармино, осмелившись перебить мужчину.

– Эти исключения... они случаются иногда, они – события, например, сегодняшняя наша встреча – это исключение, а вся ваша предшествующая жизнь – обычна. Не находите ли вы такое положение вещей плачевным, милая донья?

– Безусловно, – согласилась графиня, не поняв, что обращаются не к ней. – Это чрезвычайно плачевно. Но, смею заметить, милостивый государь, моя, предшествующая нашей встречи, жизнь не была обычной.

– И вы можете это доказать? – оживился попутчик.

– Конечно! Подумайте сами: балы, поклонники, драгоценности, прогулки! Это все так замечательно!

– Но ведь это было для вас обычно, милая бедная сеньора! – насмешливо сказал Родриго, заставив графиню прикусить губу от своей оплошности. – И, думается, после нашей встречи вы не перемените своей жизни. Вы будете вспоминать сегодняшнюю ночь до конца жизни, и она затмит все эти ваши увеселения, потому что она – событие, и кажется, для вас неприятное.

– Вы очень мудры, дон Альбана, – заметила Кармино.

– Благодарю вас, – Родриго приподнял шляпу, – но боюсь, вы преувеличиваете, я лишь вещаю давно известные законы.

– В таком случае, вы кажетесь мудрым!

– Возможно. Главное знать, что можно, а что нельзя произносить смертному.

Графиня хотела, было, что-то сказать, но промолчала. Должно быть, потерялось слово, исчезло, исказилось, пере-

стало быть собой или приняло форму неприличную для про-
изношения.

– Расскажите об Испании, пожалуйста, – попросила Кар-
мино.

– С удовольствием, – улыбнулся Родриго.

Трое путников не замечали, что ночь, что лес, что дорога
безлюдна, и казалось им, что они идут по цветущей апель-
синовой роще в Мадриде, что солнце ласкает их, журчит
фонтан, или нет, они видели бескрайнее лазурное море, бух-
ту, величественный галеон, расправивший свои паруса на-
встречу ветру, чувствовали свежесть бриза, видели сутолоку
порта; а вот – пышный прием в Эскуриале, и жизнь – собы-
тие.

– Как хотела бы я увидеть это сама, побывать там, где по-
бывали вы! – в восторге не удержалась Кармино, поднимая
большие счастливые глаза к темному небу.

Родриго весело взглянул на нее и спросил:

– Вы полагаете, это невозможно?

– Да, это невозможно, – грустно ответила камеристка.

– Что же вам мешает

– У меня... у меня нет денег.

– Да, у нее нет денег, – подтвердила графиня.

– Я бы хотел с вами не согласиться, – шутливо сказал Род-
риго. – Никогда не знаешь, что скрывается под плащом неиз-
вестности, какой подарок преподнесет судьба и куда выведет
тебя дорога.

А дорога вывела из леса, к рассвету. Все трое остановились на перекрестке у большого камня. Родриго жестом предложил порядком уставшим дамам сесть, а сам задумчиво оглядел горизонт.

– Да, никогда не знаешь. Вот скажите, сеньора, какая, по вашему, дорога выведет нас к людям?

– Я думаю, что правая, – самоуверенно заявила Пиро.

– А каково ваше мнение? – спросил он Кармино.

– Я бы предпочла последовать за вами, – тихо сказала камеристка, пораженная смелостью своих слов.

– Чудесно, – улыбнулся Родриго. – Теперь, я так понимаю, выбор за мной. Пойду ли я по дороге, предложенной сеньорой, или мы отпустим ее продолжать свой путь в одиночестве.

Пиро открыла от возмущения рот, но тут же закрыла его от страха, встретившись глазами с доном Родриго в утреннем свете. Никто, вероятно, никогда не узнает, что же так напугало графиню в обычных глазах кабальеро. Она бы, наверное, просто скончалась от страха на перекрестке, если бы случай не оказался счастливым.

Из леса, громыхая, выехала графская карета, на козлах сидел неверный, но счастливый брат графини Пиро.

– О, благодарение небу, вы живы! – возопил он. – Найдя перевернутую и покинутую карету, я подумал, что на вас в мое отсутствие напали разбойники. Знали бы вы, каких усилий мне стоило поставить ее на четыре колеса. Ну что же

вы сидите, как неживые, забирайтесь в карету, утро, близится новый день. Ваш проклятый муж, наверняка, себе места не находит от беспокойства по моей, к сожалению, вине. Но клянусь всеми святыми, это в первый и последний раз. Если хотите, можете спустить с меня шкуру или забить палками.

Закончив свою речь на этой оптимистической ноте, юноша ловко соскочил с козел и с галантностью придворного кавалера распахнул дверцу кареты.

Графиня и Кармино со страхом взирали на невесть откуда взявшуюся карету. Пиро даже моргнула пару раз, чтобы удостовериться, что это ей не снится. Потом еще раз посмотрела на Родриго, внушившего ей такую симпатию и такой ужас, и решительно залезла в карету.

– Кармино, ко мне! – скомандовала она, расправляя юбки.

Камеристка нерешительно стояла, не в силах двинуть ни одной конечностью. Ей было невыносимо ясно, что она пропала, что если сядет в карету, то лишится не только надежды на лучшую жизнь, но и самой жизни. У нее, одинокой бесприданницы, не было выбора. Она против воли сделала шаг вперед, но тут ее остановила теплая рука дона Родриго.

– Вы же обещали идти за мной, милая, – тихо, так, чтобы слышала только она, сказал Родриго. – Вы обещали. Или ваше сердце такое же, как и у тысяч других женщин?

Кармино смело подняла на него глаза и задумалась.

– Я бы хотела уйти в монастырь, кабальеро, может быть, к концу брэнной жизни я сумею замолить все ее и свои гре-

хи, груз их жжет сердце мое, не такое, как у тысяч других женщин.

Родриго махнул рукой вознице и крикнул:

– Поезжай!

Дверца кареты сама захлопнулась, кони тронулись, и мгновение спустя золотая повозка скрылась в утреннем тумане.

Он клубился, он плыл и таял на опустевшем перекрестке, он шептался с лесом и рожью, укрывая от чужих глаз вновь ускользнувшую любовь.

3.

Маято Коо Та вышел на улицу и закурил. Если вам нет еще и семнадцати, а сердце уже грызет смертельная тоска, можете не сомневаться в причинах этой тоски. Но Маято сомневался, и небезосновательно. Вот уже второй месяц он каждый вечер выходил из дома, когда жара спадала, и знойный воздух не обжигал легкие, и глаз не мог отвести с этой ужасной халупы на холме. Как прекрасная Тин Саоса справлялась в этом "хозяйством" было Маято не понятно. Два столба, просто два столба знаменовали собой ворота, за которыми открывался вид на "дом": полуразвалившиеся каменные стены, вместо крыши – сухой хворост; во дворе очаг, огороженная слабеньким забором коза (удивительно, как терпеливое животное, еще не сбежало), несколько грядок – огород.

Это соседство было головной болью Маято Коо Та, и причине того, что участок Тин Саоса находился в центре его владений, прямо напротив дома – большого красивого белокаменного сооружения в мавританском стиле, обсаженном пальмами, с беседкой, в которой хорошо было отдыхать жаркими вечерами под шепот фонтана. Но это страшное пятно, этот кошмарный дом, эта дикая его обительница!..

Состоятельному Маято было совершенно нетрудно выкупить земли у своих соседей, именно поэтому участок Тин

оказался окружен владениями Коо Та, который полагал, что сирота Соаса так же, как и остальные, с радостью расстанется со своим жалким обиталищем, как только Маято назовет цену. Но все оказалось сложнее. Тин обладала не только чудесными нежными глазами, но и чудовищным характером. Мало того, что она не ответила на предложение Маято, но и не пустила в дом самого предлагателя. Позже разговор, конечно, состоялся, но не принес Коо Та ничего хорошего – лишь расцарапанное лицо.

Что только не делал Маято, что только не предпринимал! Все началось с торгов: уступчивая Тин безмерно повышала цену, обзавясь продать землю, до тех пор, пока Маято не плюнул и не ушел в ярости. Ночью не стало хилого забора вокруг участка Тин, и все ее посадки сжевали козы Маято. Мера угрозы не возымела действия, ведь теперь и Тин пасла свою козу на земле Маято. К тому же благородные люди и англичане, заезжавшие в поместье Коо Та, неизменно интересовались, зачем Маято выстроил на холме подобную халупу, ибо отсутствие забора производило именно такое впечатление. Ну не мог же хозяин дома ответить, что это не его сарай, а дом упрямыцы Тин, и тем самым показать свою бесхарактерность. И вынужденный глупо отговариваться, Маято страшно злился.

Следующим шагом Маято предложил Тин переехать в его красивый дом на правах служанки, но и этот вариант был встречен негодованием, заикнувшись о чем-то большем, Ма-

ято получил пощечину и пинок в щекотливое место. С того дня Тин завела большого волкодава, и Маято приходилось вести переговоры через закрытую дверь.

Раз уговоры не помогают, подумал Маято, есть смысл пойти в суд. Судья долго допрашивал обе стороны, и дело было передано в управление колонии. Ответа оттуда Коо Та не дождался.

Далее, отчаявшись, Маято предложил Саоса построить ей новый дом чуть дальше, за скотным двором, на что Тин гордо ответила, что ей и так хорошо. Ночью рассвирепевший Коо Та поджег ее дом. Прекрасная обладательница заветной мечты Маято чуть не сгорела живьем, если бы ее не спас пьяный скотник. Он же организовал тушение пожара к тихой и скрытой злости соседа.

За два дня Тин установила вместо сгоревших стен частокол, на крышу навалила хворост, и продолжила обитать на своей земле.

С тех пор сердце Маято охватила смертельная тоска. Глядя на творение Тин, ему не хотелось жить. Он предпочитал закрывать ставнями окна, выходящие в сторону усадьбы Саоса, и не покидать дом до наступления темноты. Все помыслы, все думы бедняги были направлены на это невероятное строение; и не было ему покоя.

Маято затаился и повернул голову в сторону заходящего солнца: багряное, оно будто бы насмеялось бездушно над его нелепым горем. Легкий дымок его большой сигары на

мгновение затмил глаза, и Маято грустно задумался. Всегда он хотел быть сильным и могущественным, но видимо, само небо посылало ему жуткое испытание в лице прекрасной Тин, нищей упрямицы и властительницы его мстительных грез. Он еще раз взглянул на ужасное строение, погрозил кулаком и в самом подавленном настроении подался домой.

Ночью разыгралась буря, первая, предвещавшая наступление сезона дождей. Потоки воды бросались в окна прекрасного белого дома, взбудоражив его жителей, ураганный ветер хлестал пальмы, сдирая с них листву, вода лилась по земле, питая ее, иссушенную и измученную жарой.

Маято встал с кровати и подошел к окну. Сквозь щель между ставнями ему открывался чудесный вид на терзаемую ураганом халупу Саоса, сладким елеем для его сердца было это зрелище, кормя темные и мстительные чувства. Маято даже поежился от мысли, что он так жесток, настолько жесток, и наслаждается видом мучений другого существа, более слабого, но... упрямого. «Упрямство имеет цену», – так думал Маято, глядя на срываемый с крыши усадьбы Тин хворост, – «И тебе придется ее уплатить. За гордость приходится терпеть страдания. Уж я-то знаю»

Внизу послышался стук в дверь, и Маято подумал, что это Тин пришла просить спасения от разбушевавшейся стихии. Не в силах допустить того, чтобы слуги впустили его заклятого врага в дом, он, не одетый, кинулся из своей спальни, вихрем спустился с лестницы, пересек прохладный холл и

вперед всех оказался у двери. Впрочем, слуги даже и не слышали этого тихого стука в дверь среди грохота и завываний бури.

Злобно осклабясь, представляя, как он откажет Саоса в крове, Маято распахнул дверь и сквозь стену дождя с трудом различил мужской силуэт, промолвивший с явным европейским акцентом:

– Простите, что потревожил вас среди ночи, но я так вымок, что не в состоянии обращать внимание на любезности. Позвольте ли вы мне войти, черт побери, или оставите мокнуть?!

Маято, наконец, стряхнул с себя оцепенение неожиданности и, поклонившись, впустил путника.

Мужчина поставил на гранитный пол свой саквояж и снял шляпу, с которой стекала вода. Необычные глаза его пытливо уставились на хозяина, и в глубине их мелькнула понимающая улыбка.

Маято всегда помнил, как хозяин должен принимать гостей, не забыл он об этом и сейчас. Но прежде чем оказывать гостеприимство, нужно знать, достоин ли гость хорошего приема или он удовлетворится лежанкой на кухне.

Путник поклонился и промолвил:

– Я подданный ее величества королевы Виктории, божьей милостью королевы Англии, Ирландии, и прочего, капитан Джон Корнуэл.

Маято преобразился, он запахнул халат и с дружелюбной

улыбкой ответил:

– Маято Коо Та, владелец этих земель и ваш покорный слуга. Не желаете ли обсохнуть и выпить чего-нибудь согревающего, мой господин?

– Я, безусловно, не откажусь, – ответил Джон, снимая свой напрочь промокший плащ, ловко подхваченный подбежавшим, наконец, слугой.

И вот через час хозяин и его гость сидели в гостиной перед приветливым камельком. Маято разливал (в который раз!) бутылочку французского вина, а Джон, протянув руки над огнем, задумчиво глядел на пламя.

– Огонь всегда вселял в меня уважение к Богу, – промолвил Корнуэл и взял протянутый с почтением бокал.

– Тогда, – заметил Маято, – подобное же уважение в вас должна вселять и вода.

– Воду я не просто уважаю, я испытываю к ней искреннюю любовь. Если не любить ее, господин мой, Коо Та, то она возненавидит тебя, а это чревато многими неприятностями. Вы слышите, как стихия беснуется на улице? Разве мог человек, не любящий воду, пройти под таким дождем те две мили, что прошел я после того, как чертов лев слопал мою лошадь?

Маято мог бы ответить на риторический вопрос Корнуэл следующее: да, мог, если этот человек хочет еще пожить, но сказал лишь:

– Вы храбры и достойны быть подданным ее Величества!

Джон ничего не ответил на вежливые слова Маято и отпил еще вина. После продолжительного молчания он спросил:

– Вы выглядите юно, мой друг. Сколько вам лет?

– Шестнадцать, сэр, в моей стране мужчины рано мужают.

– Да, – кивнул Корнуэл. – Помимо мужественности, Господь вложил в вас удивительную рассудительность.

– Благодарю вас, – слова Корнуэла явно польстили молодому хозяину, пусть даже они были лишь данью благодарности.

– Но Господь явно поторопился, – промолвил Джон. – Я бы хотел злоупотребить вашим гостеприимством, сэр, и пожить в этом прекрасном доме несколько дней, пока не заживет моя растянутая щиколотка.

– Вы поранились? – с искусственным сочувствием спросил Маято.

– Чепуха! Но довольно неприятная, если собираешься в дальний путь.

– Конечно! Вы можете полностью располагать мною и моим домом, господин Корнуэл.

– Джон, можно просто Джон, – улыбнулся Корнуэл и легко зевнул...

Уже в постели, бессонно глядя в потолок, Маято подумал, что этот Корнуэл странный человек, да определенно, очень странный.

Когда, проснувшись на следующее утро, Маято обнаружил Корнуэла стоящим на балконе его, Маято, спальни, и

преспокойно курящим сигару, он поначалу немного растерялся, но не желая показать, как удивлен, добродушно пожелал бестактному гостю доброго утра.

Корнуэл ухмыльнулся и сказал:

– Вы, вероятно, удивлены моим нахальством и никак не ожидали увидеть меня в столь ранний час на балконе вашей спальни. Прошу меня покорно извинить, но я решил взять на себя смелость разбудить вас запахом это необыкновенного кофе, который я научился готовить у Базилио Геноцци, державшего когда-то лучшую кофейную лавку в Венеции.

Услышав извинения гостя, Маято облегченно вздохнул и приободрился, к тому же он был приятно удивлен божественным ароматом напитка, принесенного Джоном, видимо, именно этот запах и разбудил его.

– Думаю, эта красавица, что с самого рассвета латает крышу вон той развалины, тоже не отказалась бы от чашечки кофе по рецепту Базилио.

Настроение Маято тут же испортилось. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Джон говорил о Тин. Коо Та нехотя поднялся, накинул халат и вышел на балкон.

Тин, в самом деле, латала крышу. Рядом с развалинами лежала куча веток, которыми Саоса затыкала дыры в жалкой постройке, она беззаботно напевала, прекрасно видя, что за ней наблюдают две пары мужских глаз.

– Честное слово! – засмеялся Корнуэл, – я давно не видел, чтобы человек так заразительно работал. Глядя на нее, я го-

тов свернуть горы. Не нужно ли вам что-нибудь починить, Маято?

– Обычно этим занимаются слуги, – недовольно проворчал Маято.

– Жаль, – Корнуэл покачал головой. – Человек должен работать, должен бороться с природным желанием все уравнивать в единой гармонии. Знакомы вы с философским трактатом Маркса? Он становится интересен в Германии. Это, конечно, чепуха, но растительная жизнь достойна только презрения.

При этих словах Корнуэла Маято, кажется, немного покраснел, но кто может ручаться за это? Быть может, то были лишь лучи утреннего солнца, упавшие на его красивое лицо?

– Мой милый друг, достаточно ли вы отважны, чтобы поохотиться на того гадкого льва, что вчера так нагло съел мою лошадь? – не дождавшись реакции на свою отповедь, спросил Джон.

– А вы что полагаете, что я трус?! – негодуяще воскликнул Коо Та.

– Да нет, – задумчиво сказал Корнуэл. – Увидимся за завтраком.

Он еще раз глянул на Тин и вышел из комнаты...

Корнуэл молча ехал, с явным любопытством разглядывая открывающиеся его взору пейзажи. Казалось, все интересовало его: деревья, птицы, витавшие у них над головой, цветы, – и он явно пребывал в хорошем расположении духа. Че-

го нельзя было сказать о Маято. Ему не нравился его гость, не нравился день, и больше всего ему не нравилась эта дурацкая идея устроить охоту на льва вдвоем. Если у Маято и возникало желание получить острые ощущения на охоте, то он брал с собой по крайней мере дюжину слуг, ведь лев свиреп! А что задумал этот сумасшедший! Он англичанин, если вчера лев и не слопал его заодно с лошадкой, так он думает, что и сегодня все обойдется. Но он-то, Маято не идет, он знает, что голодный лев не упустит шанс полакомиться таким беззащитным существом, как человек. И зачем он только поддался на эту дурацкую затею, нет, он определенно теряет последний рассудок.

– Я думаю, он скоро проголодается, – сказал Джон, имея в виду льва.

– Послушайте, Корнуэл, – отважился, наконец, Маято. – Клянусь честью, это очень плохая затея. Вот попомните мои слова, когда столкнетесь с этим чудовищем. Даже опытные охотники не выходят тягаться со львом один на один.

– А вы считаете меня неопытным? Я очень опытный, – Корнуэл снял с плеча винтовку и закинул ее в чащобу. – Может быть, теперь вы поймете, что я нисколько не шучу.

Маято покрылся холодным потом.

– Вы сошли с ума, – только и мог он сказать.

– Возможно, но ведь у вас осталось ружье. Надеюсь, вы не будете стоять и смотреть, как лев разрывает меня на части.

Да-да, этот англичанин сошел с ума, он полагает, что гу-

лять по джунглям это то же самое, что дефилировать под ручку с дамой по Пиккадили! Нет, он, Маято, в этом участвовать не будет, он конечно, не трус, но и не безумец!

– Я часто думаю, – сказал Корнуэл, срывая с куста премильный цветок, – до чего же трусливая тварь – человек. Причем боится он каких-то совершенно безобидных вещей, и знаете почему? Потому что он не верит, или недостаточно верит, что одно и то же, в общем-то. К тому же слишком много думает о себе. Он не верит, что молния не ударит в его дом и змея не укусит его. Как же она может его не укусить?! Не верит в целесообразность всего происходящего, со страхом смотрит в будущее, вперед, боится поглядеть назад и сделать шаг в сторону, потому что не верит. Вера, мой друг, заменяет храбрость.

– И вы верите, что лев вас не съест, даже если будет голоден? – язвительно спросил Маято.

Корнуэл лишь улыбнулся в ответ и понюхал цветок. Лошадь под ним дернулась и тревожно заржала.

– Мне кажется, она чувствует опасность, – сразу приободрился Джон.

Маято хотел, было, предложить ему повернуть назад, но тут Корнуэл дал лошади шпоры и вихрем помчался в самые заросли. Маято ничего не оставалось делать, как последовать за ним, больше всего он не хотел, чтобы вина за гибель англичанина пала на него, ведь этот безумец кинулся навстречу опасности безоружным.

Догнать безумного Корнуэла Маято удалось лишь на большой поляне, где тот стоял, замерев от необычайного зрелища, раскинувшегося перед ним. В оцепенении остановился и Маято, не в силах пошевелить членами от охватившего его ужаса.

На поляне, как на сцене разыгрывалась трагедия. У дерева стояла Тин Саоса, рядом с ней валялась куча веток ятобы, девушка в отчаянии ухватилась за ствол, надеясь найти поддержку у могучего великана бете. Напротив нее, оскалив пасти, стояло два совершенно белых льва. Маято даже протер глаза, чтобы проверить, не двоится ли в них от ужаса, ведь львы никогда не охотятся парами, и никогда еще он не видел белых львов.

– Какое невероятное зрелище, – глубокомысленно сказал Джон.

Маято перевел потрясенный взгляд на англичанина и стал еще более потрясенным. Корнуэл был абсолютно спокоен, будто это не львы, а два маленьких котенка, готовились растерзать Тин Саоса.

– Они же сейчас съедят ее, – ужасным полупшепотом произнес Маято.

– Вот именно, – подтвердил Корнуэл, – но ведь оружие есть только у вас.

Маято опомнился, схватился за винтовку и попытался прицелиться, но руки его столь сильно дрожали, что было удивительно, как он может удерживать в них оружие.

– Стреляйте же! – с проклятиями обрушился на него Джон, видя, что львы приготовились к прыжку.

Маято отчаянно выстрелил, и выстрелил так удачно, что сам не поверил. Пуля, пройдя сквозь сердце одного чудовища, попала в голову другого. Оба они свалились у ног приготовившейся умирать Тин. Девушка без чувств упала поверх поверженных монстров.

Занавес.

Оба горе-охотника кинулись к ней. Маято оттащил Тин в сторону, а Корнуэл удивленно осмотрел добычу.

– Вы мастер, – уважительно сказал он. – Я еще никогда не видел подобного выстрела, черт побери!

Маято снял с пояса фляжку с водой и поднес к бескровным губам девушки.

– Я бы посоветовал вам побрызгать ей в лицо, если вы, конечно, не хотите, чтобы она захлебнулась, – сказал Корнуэл и пошел за лошадьми.

Когда Тин, наконец, открыла глаза, Маято легко поднял ее на руки и со своей драгоценной ношей покинул страшную поляну...

Вечером того же дня Маято сидел с англичанином за ужином. Дождь еще сильнее ударил в стекло, заставив героя вздрогнуть. Он отхлебнул вина и сказал, обращаясь к Джону Корнуэлу:

– Если я кому-нибудь расскажу об этом случае, мне просто не поверят, назовут лгуном и выдумщиком.

– Тогда я бы посоветовал вам никому об этом не рассказывать, – ответил Корнуэл.

– Небеса не перестают испытывать меня, – пожаловался Маято. – Теперь они решили проверить мою храбрость.

– Да-а-а, и что же они испытывали до этого?

– Мое терпение.

– Думаю, каждый человек может сказать то же самое, – улыбнулся Джон.

– Но мой случай особенный. Да-да, в этом что-то есть.

– Мне раньше казалось, что только я способен говорить загадками, но вы мистификатор почище меня, Маято.

– Никакой тайны в этом нет, просто я боюсь, что люди будут смеяться надо мной, если узнают.

– Они будут смеяться, даже если не узнают, – вздохнул Корнуэл.

– Да, – Маято потер подбородок. – Вы помните ту девушку, которую мы спасли в лесу?

– Да, неутомимая труженица, латавшая крышу утром и отправившаяся за ветками днем, – сказал Корнуэл, и лицо его стало очень тихим.

– Она – моя головная боль. Ее клочок земли и развалюха портят мне жизнь. Я уже дошел до точки, честно говоря. Еще немного и я ее просто задушю.

Корнуэл взглянул в окно дождя и промолвил:

– Завтра ей, наверняка, опять придется чинить свою крышу.

– Этого могло и не быть, если бы не ее глупое упрямство.

– Странно, девушка не показалась мне глупой. Даже наоборот, она трудолюбива, отважна, смело борется с препятствиями и, по-моему, заслуживает уважения.

– Она самое тупое и упрямое животное, когда-либо жившее на этой земле! – вознегодовал Маято. – Почему! Ну почему она не хочет продать мне свою землю, обменять ее?! Я предлагал ей такую цену! Я уговаривал ее переехать в мой дом! Я даже хотел построить ей новый! А она...

– Может быть, она ждет другого предложения? – грустно спросил Джон.

– Этого предложения не будет никогда! Она нищенка.

– Я понимаю, – Корнуэл кивнул и посмотрел в окно с какой-то тоской. – Но было бы по-соседски предложить ей заночевать на кухне.

Маято с бешенством отодвинул свой бокал и ушел спать...

На следующее утро Маято с большой тревогой смотрел в окно, как Корнуэл помогает Тин чинить крышу. Они о чем-то тихо переговаривались и, кажется, были очень довольны. Саоса определенно кокетничала с англичанином, да и он весь светился от радости. Маято плохо спал ночь и понимал, что вряд ли сможет спокойно уснуть до тех пор, пока безумный англичанин не покинет его дом. Но он не мог так прямо сказать ему: мол пора, друг, отправляться в путь, твоя щиколотка вполне зажила, раз ты рьяно бросился помогать от-

щепенке латать ее халупу.

За завтраком Корнуэл был оживлен и много говорил о политике. Маято угрюмо молчал.

– Право же, я чувствую, что мое общество вам порядком наскучило, – улыбнувшись, сказал Корнуэл. – Это я могу понять. Кстати, завтра на рассвете я планирую уехать, моя щиколотка уже вполне зажила, я даже смог помочь Тин латать ее халупу. Но черт побери! Мне здесь определенно нравится. Я когда-нибудь обязательно еще разок навещу вас, и мы отлично поохотимся, мой друг!

«Ну уж нет!» – подумал Маято.

– Конечно, мистер Корнуэл, мы всегда рады вас видеть.

– О! как приятно. Я тоже очень привязался к вам, – прошептал Джон. – Здесь тепло и удивительно мирно, но теперь начался сезон дождей, и я предпочел бы пережить его где-нибудь в более сухом месте. Я хоть и люблю воду, но не в таком же количестве! Вот смотрите, дождь опять припустил. Что за напасть!

– Это надолго! – буркнул Маято.

– Это навсегда, – улыбнулся Корнуэл.

Через неделю после этого разговора Маято сидел на скамейке под раскидистым деревом и смотрел, как капли только что закончившегося дождя стекают по бурой его коре, проникая во все щелки. Коо Та был необычайно грустен и тосковал. Он был готов терпеть присутствие даже назойливого и безумного Корнуэла, но тот, как и обещал, уехал на сле-

дующее утро после их последней беседы. После этого разговора у Маято пропал последний интерес к происходящему. Сезон дождей действовал на него угнетающе, но еще больше его раздражало, что подобное угнетение происходит в самой прекрасной поре его молодости. Что же с ним будет в зрелые годы! К тому же безумный Корнуэл своими речами заронил в него какое-то семя сомнения в правильности его, Маято, существования, он вел растительный образ жизни и, кажется, презирал себя за это.

«Наверное, стоит съездить в колонию», – подумал он, – «напьюсь, погуляю с англичанами, развею эту треклятую тоску».

Маято повернул голову на тихий вздох, и взгляд его уперся в голые ноги, заляпанное грязью, латанное-перелатанное платье, всклокоченные волосы и глаза-антрациты, в общем, он увидел Тин.

Оба молчали, ибо говорить им было не о чем.

Тин перевела дыхание и, запинаясь, сказала:

– Я много думала. Наверное, это бес вражды вселился в нас, сосед. Но с меня довольно. Я согласна продать свой участок за первоначальную цену. Уеду в колонию, мистер Корнуэл обещал устроить меня прислужницей в английскую семью. Давай разойдемся мирно, не будем помнить о плохом.

Слова дались девушке нелегко. Она нервно потерла щеку и опустила голову.

В глазах Маято разлилось странное выражение. Он встал,

возвышаясь над девушкой, как огромная неприступная скала, и негодуя, с вызовом, сказал:

– Не нужна мне твоя развалюха! Не буду покупать! – и быстрыми шагами ушел в дом...

Корнуэл попридержал лошадь и прислушался. Ехавший рядом с ним майор Дарст удивленно посмотрел на Джона и спросил:

– Что-то не так?

Корнуэл тронул поводья и поравнялся со своим спутником.

– Знаешь, старина Дарст, – с улыбкой сказал он. – А мне здесь нравится. Год назад я гостил в одной белокаменной усадьбе миль за десять отсюда. Я обязательно хочу еще раз побывать там.

– Что тебе понадобилось у Коо Та? – расхохотался Дарст.

– Я просто еще никогда не был крестным отцом. Когда ребенка называют в твою честь, это приятно, черт побери!

4.

– Торадо! Мальдито! Налей мне еще вина, ты, портовая пута!

Молодой человек с внимательными глазами обернулся на громогласного мужчину за соседним столиком и с интересом воззрился на его явно испанский и дорогой наряд.

– Простите, сеньор, – ласково сказал он. – Вы, как я понимаю, испанец?

– Да, тысяча чертей! – воскликнул яростный испанец и ударил кружкой по столу, – и если это кому-то не нравится, то...

– Я не имел в виду затронуть вашу честь, – улыбнулся молодой человек. – Просто приятно встретить земляка так далеко от Родины.

Испанец недоверчиво уставился на случайного собеседника.

– Позвольте представиться, – продолжал последний. – Родриго Кабрера.

Испанец хмыкнул и пересел за столик к Родриго.

– Я дон Филиппе Альбана-и-Бланко, герцог, советник его величества короля Испании Филиппа по... личным вопросам. Выпьем?

Получив утвердительный кивок от Родриго, Филиппе опять разразился проклятиями в адрес неповоротливого слу-

ги. Вообще же, Филиппе был примечательнейший испанец, самых что ни на есть голубых кровей. Лет сорока от роду, с тонкими ниточками седины в черных, как смоль волосах, высокий, подтянутый, могучего телосложения; а глаза его были быстрыми и черными, как испанская ночь.

– Откуда вы родом, дон Родриго? – спросил Филиппе, когда по первой было выпито.

– Из Севильи.

– О! Севилья. Рай на земле.

– Точно.

– И что же вас занесло на этот проклятый остров, где кроме голозадых туземцев, всего десять человек прилично одетого народа?

– Исключительно тоска. Это, видите ли, моя таверна...

– У вас вместо слуг черепахи! Карамба!

– О нет, дон Альбана. Просто жизнь здесь течет гораздо медленнее, чем в Испании, я бы даже сказал, что по ночам время останавливается.

– Чудесно! Но мне кажется, что для вашего темперамента это должно быть сплошнейшим мучением. Ничего не говорите: я читаю душу человека по его глазам! Вы кажетесь мне порохом, – торжественно заключил Филиппе.

Родриго только улыбнулся.

– И как идут дела? – продолжал допрос Филиппе.

– Идут. Я не могу похвалиться большими доходами, но у меня кое-что осталось со времен конкисты, да и сахарные

плантации, что на этой половине острова – мои...

– Все?! – глаза испанца вылупились на Родриго.

– Все, – гордо заключил Кабрера.

– Карамба! Бьюсь об заклад, ваш предок участвовал в завоевании Мексики.

– Э-э... вы не ошибаетесь.

– Я же говорю, что отлично знаю людей! – самодовольно заметил Филиппе.

– Ну а что вас занесло на этот проклятый остров? – поинтересовался Родриго.

– Известно ли вам, что завтра в этот порт прибывает галеон под названием «Сан-Хосе»?

Родриго кивнул, наклонившись к испанцу, потому что тот перешел на полусшепот.

– Так вот, на этом галеоне, помимо мебели, вина и книг, есть один весьма примечательный груз, – улыбаясь, сказал дон Филиппе.

– Если у этого груза отменные ножки, то я вас понимаю, – кивнул Родриго.

Дон Филиппе расхохотался на всю таверну и стукнул кулаком по столу.

– Да, черт побери!

– Думается, этот груз остановится именно в вашей таверне, дон Родриго, ведь здесь нет больше ни одной!

– Муж этого груза, – продолжил Филиппе, – выслал его из Мадрида за излишне капризное поведение. Характерец у

нее, конечно, не приведи Господь. Но какие глаза!

– Дама имеет к вам симпатию? – поинтересовался Родриго.

– В общем... она от меня без ума, – запнувшись и нахмурившись, ответил дон Филиппе, но тут же просиял. – Какое это имеет значение, если дама едет в сопровождении одних только слуг, а галеон мой! В такой глуши человек прислушивается к природе, чувства начинают топтать разум, и все гораздо проще, мой друг.

Родриго на минуту задумался, прихлебывая вино, затем спросил:

– Могу ли я предложить вам свои услуги, дон Филиппе, ибо мне кажется, что они не будут для вас лишними.

– Я буду просто счастлив. Не хочется, знаете ли, вести дела со всякими проходимцами, которые живут на этом проклятом острове!

Родриго только хмыкнул в ответ. Он внимательно посмотрел на испанца, отчего тот почувствовал себя несколько не в своей тарелке, и впервые за все время знакомства с Родриго, подумал, что Кабрера тот еще проходимец, и нужно держать ухо востро. Но слов обратно не вернешь, к тому же Филиппе было гораздо удобнее обратиться за помощью к земляку, ведь помощь в этом щепетильном деле ему действительно была нужна.

Прекрасный груз звали Изабеллой. Своенравная красавица заставляла своего мужа исходить черной яростью от рев-

ности, но тем не менее, почему-то хранила ему верность, по крайней мере никто из ее многочисленных поклонников не мог похвастать, что познал вкус ее губ. Но дон Филиппе не собирался сдаваться, ему невыносима была одна только мысль о том, что его просто запишут в длинный список разбитых сердец. Он соблазнил даже королеву, неужели эта сумасбродная Изабелла сумеет устоять против его очарования и силы. Но Изабелла устояла, а герцог как с цепи сорвался. Своими домогательствами он вынудил мужа Изабеллы перейти к решительным действиям. Чтобы защитить свою честь и не лишиться жизни, он отправил Изабеллу в Новый Свет, где не так много белых мужчин, которые не смогли бы устоять против ее чар, и где несносная вертихвостка сможет в одиночестве вволю думать об искуплении. Он договорился со своим дальним родственником о предоставлении удобного, соответствующего ее положению помещения, и позаботился о скромном, но достаточном обеспечении неугодной жены, надеясь больше никогда в жизни не увидеть ее.

Филиппе Альбана не сдался, и кажется, окончательно потерял голову. На ближайшем корабле из Кадиса, он отплыл на тот остров, куда по его сведениям намеревалась уединиться его головная боль, и таким образом, он уже заранее ожидал ее здесь, строя планы скорейшего совращения. Нет-нет, дон Альбана не собирался засыпать ее драгоценностями, миллионами цветов и комплиментов, он хотел действовать, как пират, – быстро и наверняка. Донна Изабелла достаточ-

но помучила его в свое время, теперь его очередь взять заслуженное вознаграждение, а этот хозяин таверны, готовый на услуги столь знатному лицу, может оказаться весьма полезным.

– Не желаете ли остановиться в моем доме, дон Филиппе, в таверне, я думаю, вам не очень удобно? – угрожающе ласково спросил Родриго.

– С преобладающим удовольствием, – ответил Филиппе, приятно удивленный таким гостеприимством.

Альбана удивлялся небезосновательно. Дом Родриго был необыкновенным. Прекрасная усадьба была выстроена по традиционным, но в то же время незнакомым герцогу архитектурным канонам. Внутренняя отделка поражала воображение гостя и не совсем подходила доходу скромного плантатора, здесь было все и лучшее: мягкие ковры со странными узорами, мебель непревзойденных мастеров Старого Света и самодельные плетеные гамаки туземцев, драгоценная посуда, прекрасное собрание средневекового оружия. Тихие, как тени, слуги, бесшумно скользили по дому в белых одеяниях, да может быть, это и были тени.

Дон Филиппе был с почестями принят и препровожден в лучшие апартаменты этого удивительного дома.

Весь следующий день дон Филиппе провел в томительном ожидании перемен в своей жизни. Дон Родриго, который уехал с утра на сахарные плантации, предоставил дорогому гостю в его полное распоряжение отличнейший винный

погреб, что дорогой гость по достоинству оценил, наслаждаясь весь день винами своей Родины. Никто не мешал испанскому гранду, и он мог с упоением строить планы соблазнения. Прекрасный образ донны Изабеллы не выходил у него из головы, и бедняга не знал, куда ему деваться от этого навязания, пока не наступил вечер.

Родриго приехал пыльный, уставший, но глаза его блестели, и весь он, вроде как даже дрожал от еле сдерживаемого волнения. Он быстрыми шагами пересек свою необычную гостиную и, подойдя к столику, налил себе бокал вина.

Жадно отпив, он сказал:

– Да будет вам известно, дон Филиппе, что в данный момент «Сан-Хосе» входит в гавань этого, как вы выражаетесь, проклятого острова.

Филиппе в возбуждении вскочил со своего места.

– Но вам, я думаю, нет смысла никуда бежать, – пригвоздил его к стулу Родриго. – Я возьму на себя смелость предложить сеньоре вместо комнаты в душной таверне, свой небольшой загородный дом на побережье, недалеко отсюда, там она сможет жить в удобстве и достаточном уединении.

– Уединении, – повторил дон Филиппе. – Вы оказываете мне честь, заставляя меня быть вашим должником...

– О! – воскликнул Родриго, допивая вино. – Я предоставлю вам возможность рассчитаться со всеми долгами.

Он рассмеялся и вышел, оставив дону Филиппе в нехорошем недоумении...

Донна Изабелла нехотя отметила про себя, что этот Кабрера очень странный молодой испанец. Женская наблюдательность не упустила ни единого предмета его гардероба, ни единой черточки его лица, донна Изабелла осталась недовольна. Если ей иногда придется довольствоваться обществом этого человека, а он, похоже, единственный человек, чье общество на этом проклятом острове, она может разделить, то ее пребывание здесь окажется весьма печальным.

– Добро пожаловать, донна Изабелла! – сверкая глазами и склонившись в безупречном поклоне, сказал Родриго.

Изабелла тревожным взглядом окинула бухту и небольшое поселение, раскинувшееся за спиной у Родриго.

– Благодарю вас за гостеприимство, сеньор Кабрера. Надеюсь, вы получили письмо от моего мужа?

– Да, он писал мне. И я рад служить вам, – улыбка Родриго была способна растопить айсберг, но не донну Изабеллу.

– В таком случае, не распорядитесь ли вы, чтобы мои вещи отнесли в гостиницу? – печально и явно вынужденно попросила донна Изабелла.

– Я хотел бы осмелиться предложить вам другое жилище. В гостинице вам, определенно, не место. Мой небольшой загородный домик к вашим услугам, сеньора, – и Родриго снова поклонился.

– Загородный дом? – язвительно повторила Изабелла. – Простите мою иронию, но разве это город? – и она указала на деревню.

– Рано или поздно это им станет, – улыбнулся Родриго и протянул ей руку.

Изабелла явно смешалась, не зная, что ответить, и стоит ли ей подавать руку человеку незнатного происхождения.

Заметив ее смущение, Родриго криво усмехнулся и, махнув своим почти бестелесным слугам, велел им взять багаж госпожи...

Поздним вечером следующего суматошного дня Изабелла возлежала в гамаке и, обмахиваясь веером (что впрочем, мало помогало), с нескрываемой тоской смотрела на ночное море.

– Я здесь умру от скуки, – ленивым голосом обратилась она к Эстер, своей служанке, которая с рукоделием сидела подле госпожи.

– Весьма вероятно, сеньора, – сказала Эстер и пожала плечами. – Я слышала, что дон Родриго приятный молодой человек.

– Он не идадьго, Эстер, – возмущенно сказала Изабелла.

– Но он такой богатый! – недоуменно ответила Эстер. – Знаете, ему принадлежит половина этого дивного острова.

– Ты находишь его дивным? – спросила Изабелла, непонятно, то ли о Родриго, то ли об острове.

– Да, – ответила Эстер.

– Иди спать, глупая, – раздраженно сказала Изабелла, и служанка немедленно покинула ее.

Наступающая ночь была великолепна. Недалекое море из-

давало тихое ворчание, как зверь, ворочающийся в берлоге, лапы пальм качались от ветра, а огромные звезды нависали прямо над донной Изабеллой. Она закинула голову и мечтательно заглянула в эти сверкающие глаза всепрощающего и сурового Бога. Донна Изабелла не любила своего мужа, донна Изабелла, вообще, никогда еще никого не любила. Толпы поклонников окружали ее, красивую, богатую, знатную, но ни в ком она не видела мужчины, для нее это были просто назойливые люди и ничего больше. И еще она была смертельно больна. И эту тайну, как и первую, никому не поверяла она. Оттого характер ее был невыносим, а капризы нелепы. А теперь муж сослал ее на этот проклятый остров, и она тысячами километров воды отрезана, возможно, от Него. Сколько продлится ее ссылка и жизнь, наполненная телесными и душевными страданиями: месяц, два, год, десять лет, пока муж не решит вернуть ее обратно, но захочет ли он видеть женщину, которая на супружеском ложе ведет себя, как истеричка?! Вопрос был риторическим, и Изабелла, к своему несчастью, знала на него ответ.

Боль, который раз за день, сковала ее лоно, глаза сеньоры наполнились слезами, и она с невольным страхом прислушалась к далекому конскому ржанию. Здесь, под охраной своих многочисленных слуг и бдительной Эстер, она была в полной безопасности, но странное волнение с той минуты, когда она впервые ступила на берег, не покидало ее весь день. Что-то странное витало в воздухе, может быть, это аромат незнако-

МЫХ ей цветов?..

Тихий сдавленный смешок почти над ухом заставил ее немедленно открыть глаза и выкатиться из гамака. Увидев, кто напугал ее, Изабелла сразу же передумала кричать, с этим человеком она прекрасно справится и без подмоги.

– Вечер добрый, сеньора Изабелла, – почтительно произнес напугавший ее голос, и человек смиренно склонился перед нею.

– Интересно, что это вы здесь делаете, а? – без малейшей почтительности спросила Изабелла, встав в позу.

– Я пересек океан, чтобы быть с вами, моя звезда. Вы покинули меня, но не я вас. Мне подумалось, что вам здесь, в этой странной ссылке, будет очень скучно без привычного общества, вот и решил немного вас поразвлечь.

– Вы выбрали странный способ, дон Филиппе, – строго сказала Изабелла, ее ужасно злило присутствие герцога Альбана, хотя и в самом деле, развлекало. – Пугать – это значит развлекать?

– Конечно нет, простите меня, я не хотел вас напугать, я думал, вы слышите мои шаги, – дон Филиппе коварно сверкнул глазами и щелкнул перстнями.

«Пожалуй», – подумала донна Изабелла, – «мое пребывание на острове и не будет таким отчаянно скучным».

– Как же вы узнали, дон Филиппе, что я остановилась здесь, на побережье? И вы не побоялись отправиться в столь опасное и длительное путешествие через океан? – поинте-

ресовалась донна Изабелла, заранее зная ответ, и ответ этот льстил ей.

– Я слишком обожаю вас, не могу жить и не видеть вашего прекрасного лица, и исключительно по этой причине я здесь, – плотоядно облизнувшись, ответил дон Филиппе. – На самом деле, я не знал, что вы остановились здесь. Этот молодой Родриго вчера ездил вас встречать и поведал мне, что вы невероятно грустны, вот я и решил сегодня вечером прокатиться по побережью к вашему маленькому загородному домику.

– Вы знакомы с Кабрерой? И давно? – с явным любопытством спросила донна Изабелла.

– Кто же не знает его на этом острове! – воскликнул дон Филиппе. – Это единственный нормальный человек здесь!

– Он не показался мне нормальным, – тихо сказала донна Изабелла. – Поздний час уже, дон Филиппе, я думаю, вам лучше вернуться в таверну или куда там, где вы остановились.

Зрачки дона Филиппе хищно сузились, и он промурлыкал:

– Я бы хотел прогуляться с вами немного. У меня есть очень важные сведения для вас, боюсь, слуги могут подслушать, и тогда не избежать сплетен.

Лишь минуту колебалась донна Изабелла, дух любопытства победил в ней страх и здравый смысл, которые суть родственники, да и что ей мог сделать дон Филиппе, такой обхо-

дательный и учтивый идалго, а вдруг он, в самом деле, расскажет ей нечто такое, что будет весьма интересно узнать!

Дон Филиппе подал ей руку, россыпь перстней блистала под южными звездами, и донна Изабелла сдалась без осады.

Они отошли к побережью, с моря дул ветерок, песок забивался в туфельки донны Изабеллы, ей было неловко идти, но красивый и статный дон Филиппе крепко держал свою спутницу, будто боялся, что ее унесет ветерок или выкрадет песок.

Альбана остановился у кромки воды и окинул пьяным от страсти взглядом донну Изабеллу: как она была прекрасна! Темные волосы перепутались, ветер трепал их, ветер играл ее юбкой и лентами кушака, ветер ласково касался удивительно нежного для испанки лица, на котором сверкали ее черные и пылкие глаза.

– Вы прекрасны, Изабелла, – прошептал дон Филиппе и отпустил ее руку.

– Я слышала это столько раз, что уже не сумею сосчитать, – усмехнулась она. – Неужели именно это вы хотели мне сказать?!

– Нет. Это, но не только это. Я хотел сказать, что люблю вас, Изабелла, люблю с первой минуты нашей встречи. И с этой минуты я всегда с вами, я приехал в Новый Свет лишь для того, чтобы быть с рядом, дышать одним воздухом и смотреть на одни и те же звезды, и быть может, хоть изредка видеть вас и касаться вашей руки!

Донна Изабелла недовольно сморщилась: он повторяется, он повторяет, а ей совершенно не хотелось слушать банальности.

– Если у вас есть еще, что сказать, дон Филиппе, то говорите, или позвольте мне вернуться домой, я сегодня плохо себя чувствую, – сказала она.

– О, небеса! – воскликнул дон Филиппе. – Неужели вы не верите мне?! Идемте, – он схватил ее за руку. – Идемте, я докажу.

– Куда вы меня ведете! – в страхе крикнула донна Изабелла, надеясь, что слуги из дома услышат ее призыв.

– Не бойтесь меня, донна Изабелла, – взмолился дон Филиппе. – Я не причиню вам страданий. Идемте же!

И он потащил сопротивляющуюся и перепуганную донну Изабеллу вдоль берега. Бедная донна Изабелла пыталась кричать, но мускулистое предплечье идадьго закрывало ей рот, поэтому она могла только протестующе стонать.

Ужас и негодование охватили донну Изабеллу, она корила себя за глупость, за то, что забыла, что здесь не Мадрид, а богом забытое место, где на дону Филиппе не найдется управы, и некому защитить ее, несчастную женщину, попавшую в беду.

Из последних сил вырвалась она из железных объятий донна Филиппе, укусив его за руку и, путаясь в юбках, побежала вдоль берега, к несчастью, удаляясь от дома. Но не успела она пробежать и десяти шагов, как с размаху налетела на вы-

росшего из ночи и песка человека. Донна Изабелла вскрикнула и чуть не упала, но подоспевший дон Филиппе успел подхватить ее и крепко прижать к себе.

– Черт! Родриго! – взревел дон Филиппе, как-то сразу обмякнув. Больше он, правда, ничего сказать не смог. Нечего было говорить.

– Вечер добрый, донна Изабелла, – галантно произнес Родриго, склонившись перед дамой. – Прекрасная погода, дон Филиппе.

«Он что, издевается?» – подумала донна Изабелла. – «Неужели он не понимает, что происходит, или он заодно с Филиппе?»

– Самое, скажу вам, время, чтобы прогуляться по берегу. Звезды такие красивые! – как ни в чем не бывало, продолжил Кабрера. – Могу ли я присоединиться к вам? Я как раз хотел вас навестить, донна Изабелла, а вы тут как тут, да еще и в сопровождении моего доброго друга, донна Альбана.

Все это время дон Филиппе кидал на молодого человека предупредительные взгляды, но Родриго как будто и не замечал его стараний.

Понимая, что ей не у кого просить помощи, Изабелла взяла себя в руки и сказала:

– Я буду очень рада, сеньор Кабрера, если вы проводите меня и донна Филиппе до столь любезно предоставленного вами загородного дома, мы как раз собирались возвращаться.

– Буду только рад, – доброжелательно ответил Родриго.

И странная тройца повернула обратно: Альбана крепко прижимал к себе запыхавшуюся от страха и быстрой ходьбы донну Изабеллу, а рядом, помахивая тростью, шел Родриго, шел так, будто он находился не на побережье с насильником и его жертвой, а на городской прогулке.

Альбана резко остановился, заметив невдалеке огни дома, и повернулся к Родриго:

– Спасибо за приятную компанию, сеньор Кабрера, дальше я сам провожу донну Изабеллу, мне нужно сказать ей пару слов наедине.

Родриго снова склонился перед донной Изабеллой и промолвил:

– Хороших сновидений, донна Изабелла. Имею честь.

Родриго развернулся и сделал несколько шагов, но остановился, услышав испуганный голос донны Изабеллы:

– Умоляю вас, не уходите! – страшным шепотом воскликнула она.

Родриго обернулся и оба, – донна Изабелла и дон Филиппе, – замерли от неожиданности: лицо молодого человека было... негодующим, страстным, а в глазах таилось нечто такое, что сделало теплый вечер ледяной ночью.

– Если вы просите, я не уйду. Хотите, мы прогоним этого негодяя? – насмешливо и спокойно (что не вязалось с выражением его лица) спросил Родриго, указывая пальцем на дону Филиппе.

– Да-да, я хочу, – умоляюще сказала донна Изабелла и сделала очередную безрезультатную попытку вырваться из железных рук Филиппе.

Родриго вынул из ножен шпагу и демонстративно оперся на нее.

– Ах ты, собака! – воскликнул дон Филиппе, выхватывая шпагу и небрежно отпихивая от себя донну Изабеллу, которая некрасиво и поспешно уползла в ближайšie заросли. Она не слышала ни шума драки, ни звона шпаг, она сидела под пальмой, сбившись в комок и закрыв лицо руками, пока Родриго не поднял ее на руки и не вынес из зарослей.

Донна Изабелла стояла перед ним, опустив голову, стыдясь своего глупого поступка и не зная, куда деться от внимательных глаз ее спасителя. И первый ее вопрос тоже был глупым, хотя и логичным:

– А где... где дон Филиппе? – донна Изабелла не видела ни крови, ни тела.

– Я прогнал его, вы же сами просили, – недоуменно ответил Родриго.

– Ах, черт, – только и смогла сказать донна Изабелла.

Родриго улыбнулся, и она скорее почувствовала, чем увидела его улыбку.

– Вам нечего бояться, донна Изабелла, никто и ничто на этом острове и пальцем вас не тронет без моего ведома, и я обещаю вам не покидать его до тех пор, пока вы здесь.

– Почему? – спросила донна Изабелла и взглянула в глаза

Родриго.

– Потому что... – Родриго отвел взгляд. – Думаю, когда-нибудь мы обсудим это, а пока... не позволите ли мне проводить вас домой?

Ответить Изабелла не успела, на побережье выбежали пятеро слуг во главе с Эстер, все они были вооружены и в руках держали факелы.

– Сеньора! – воскликнула Эстер, сверля Родриго негодующим взглядом. – Мы вас потеряли. Неудачное время для прогулок! Вы могли бы взять с собой меня или кого-нибудь из слуг...

– Я хотела побыть одна, – прервала Изабелла поток ее слов-описаний. – Да и сейчас хочу. Вы все можете идти домой. Оставьте меня.

– Но... – Эстер посмотрела на Родриго.

– Простите, – промолвил он и поклонился. – Позвольте представиться: я...

– Дон Родриго Альбана-и-Бланко, герцог, – перебила его донна Изабелла. – Отправляйтесь домой, Эстер, через минуту я догоню вас.

Когда Эстер и слуги удалились, Изабелла повернула к Родриго пылающее лицо и протянула ему руку.

– У Филиппе не было наследников, дон Родриго.

Дон Родриго взял протянутую руку и легко коснулся ее губами.

– Доброй ночи, донна Изабелла, – тихо сказал Родриго

Альбана и ушел прочь.

5.

Горячая кровь этого оленя вселилась в юношу. Он чувствовал, как гудит она в его висках, наполняя тело возбуждением и легким страхом. Ноздри его раздувались, весь он, казалось, переселился в свои глаза, безотрывно следящие за столь же настороженным оленем. Он представлял каждое биение его сердца, он сросся с его кровью. Рука, натягивающая тетиву, была уже на пределе, и только воля, возбуждение и страсть охотника удерживали ее расслабление, которое повлекло бы за собой смерть, смерть прекрасного существа.

– Стреляй, Иккохтли! Стреляй или я подумаю, что ты подло обманул меня и просто похвалялся, – тихо шепнул притаившийся рядом молодой ацтек Нопалцин, сын кацика.

Юноша медленно повернул голову к Нопалцину, и в то же мгновение стрела сорвалась с тетивы и впиалась в ухо оленя, пригвоздив его к стволу дерева. Испуганное животное метнулось, разрывая свою плоть, и скрылось в зарослях.

Нопалцин подпрыгнул и ликующе закричал:

– У тебя получилось! О великий Уицилопочтли! У него получилось!

Иккохтли небрежным движением закинул лук за плечо и довольно улыбнулся.

– Ты никогда не откроешь мне секрет своего мастерства! Я бы жизнь отдал, чтобы узнать, как у тебя это получается! –

в экстазе от восторга и зависти воскликнул Нопалцин.

– Жизнь бесценна, – строго заявил Иккохтли. – Нельзя торговаться ею.

– Это все равно, – грустно сказал Нопалцин. – Теперь мне два пути: или я окажусь на алтаре наших жрецов или умру от рук этих проклятых теолой. Но, великий Кецалькоатль, я бы предпочел первое.

Иккохтли опустил голову на грудь и задумался; странные оттенки чувств мерцали на его лице вместе с солнечными зайчиками. Вдруг глаза его засверкали нехорошим блеском, он схватил руку Нопалцина и промолвил:

– Я всегда был тебе братом, Нопалцин, и всегда буду, помни об этом, что бы ни случилось с нами в будущем. У каждого свой путь, мы не в силах изменить его, но должны сделать все возможное, чтобы после нас на этом пути висели гирлянды цветов, а не лежали горами черепа. Все мы обречены, и на какое ложе бы ты не лег, будь то жертвенный алтарь или окровавленная земля под ногами теолой, знай, я буду с тобой до конца.

Нопалцин крепко обнял Иккохтли и со слезами в голосе произнес:

– И я, я тоже. Клянусь!

И словно печать на клятву, вдали раздалась канонада, встревожившая юношей.

– Что, что это?! – в ужасе воскликнул Нопалцин.

– Я полагаю, что это теоли, – тихо, но уверенно сказал

Иккохтли. – Это их палки, выпускающие огонь. Но почему? Ведь Монтесума принял их, как гостей.

– Скорее идем!

И они быстрее оленей помчались к Теночтитлану, взяв по пути своих воинов, стоявших лагерем у реки.

Теночтитлан пылал. Он пылал от пожаров и ярости за смерть своего повелителя. Наследный принц поднял восстание против испанцев, и тысячи ацтеков ринулись на приступ императорского дворца, ставшего резиденцией неприятеля, гнездом черных змей. Огонь испанцев слизывал идущих на приступ, покрывая площадь сотнями трупов. Но ярость атакующих была безмерна, ярость и ненависть к захватчикам, пришедших, чтобы отнять у них землю, религию и жизнь, чтобы обратить в рабство детей солнца. И теперь эти обезумевшие от страха и ненависти дети бросались грудью под свинец. И когда Иккохтли и Нопалцин со своими воинами вернулись в город, он был не тем прекрасным домом, где они жили в радости и беззаботном веселье, он превратился в жальщую медузу, в змею, затягивающую кольца у себя на шее.

На окраине, у Чапельтепека, где жил отец Нопалцина и господин Иккохтли, все дышало отчаянным и радостным безумием в предчувствии гибели. Пир закатил достойный Сатхла, господа и рабы сидели за одним столом и ели из одной посуды, ибо час их был близок.

– Что случилось, отец? – со страхом воскликнул Нопалцин, падая на колени перед Сатхлой.

– Горе, сын мой, пришло на землю. Куохтемок взбунтовался, он поднял восстание против теолей, Монтесума убит, горе падет на наши алтари, так выпей в последний час и раздели со мной трапезу, сын мой Нопалцин!

– Ты можешь есть и пить, отец, когда братья наши проливают кровь и умирают от рук врага?! Ты можешь радоваться, когда страна наша трепещет в предсмертных муках, отец мой?! Ты можешь...

– Замолчи! – воскликнул Сатхла, ударив Нопалцина. – Они дети Кецалькоатля, и пришли за своей землей. Как могу я сражаться с ними, если даже великий Монтесума принял теолей, как гостей?! Не смей судить о вещах, которые не понятны мне!

Лицо Нопалцина потемнело от гнева, но он сдержался и, развернувшись, выбежал из дома. Иккохтли сел за стол и выпил, сказав шепотом:

– Мир праху твоему, Ацтлан!

На следующее утро Иккохтли встретил Нопалцина блуждающим по саду в гнев и нетерпении.

– Боги лишили моего отца разума! – вскричал он. – Многие знатные юноши взялись за оружие, и ведут осаду дворца, а я, как баба, как трусливая баба, должен сидеть подле отца!

– Успокойся, брат мой Нопалцин. Глаза твоего отца застлал страх, он не ведал его в битвах, а теперь испугался неизвестности. Успокойся, придет время, и мы возьмем за оружие, и тогда даже сам Бог теолей не сумеет нас остано-

ВИТЬ.

– Не будет ли тогда слишком поздно, брат мой?! – воссегодовал Нопалцин. – И погибнет наш народ! Знаешь ли ты, что отец отправляет меня в Чалько, чтобы уберечь от опасности?

– В Чалько? – переспросил Иккохтли, и глаза его сузились в раздумье.

– Да! Я, как трус, буду сидеть дома, пока на улице кипит битва!

– Но ведь не просто так отец отправляет тебя в Чалько?

– Нет, мы возьмем с собой все его сокровища и спрячем их где-нибудь в окрестностях города. Отец предчувствует гибель Теночтитлана и не хочет, чтобы его богатства достались теолям, будь они хоть тысячу раз детьми Бога!

– Могу его понять, – грустно сказал Иккохтли, – могу понять и его, и тебя. Я бы тоже взял в руки оружие и пошел на приступ дворца Монтесумы, но похоже, богами уже все предрешено. Я поеду с тобой в Чалько и помогу спрятать эти сокровища. Мы спрячем так, что только спустя века люди, не принадлежащие к народу теолей, сумеют отыскать их. Не грусти, брат мой, ибо и тебе дано право вершить судьбу других.

Нопалцин немного успокоился и пожал плечами.

– Если Ацтлан падет, я не буду виноват, что не защитил свой народ, ведь это вы заставили меня спасаться бегством! – сказал он и, сердито ушел в свои покои.

– Как мальчишка! Да оно и так не зависит от тебя! – рас-

смеялся Иккохтли ему вслед.

Несколько дней спустя Нопалцин и Иккохтли в сопровождении своих преданных воинов покинули гудящий, пылающий и агонирующий Теночтитлан. В нескольких кожаных мешках, которые воины несли в паланкине под видом знатного кацика, с ними в путешествие отправились бесценные сокровища Сатхлы, о которых он беспокоился больше, чем о собственной жизни и чести сына.

Иккохтли глазами лани смотрел на пейзажи, открывающиеся по дороге, ведь здесь, в этих лесах, он провел столько счастливых часов, охотился бок о бок со своим верным названным братом Нопалцином, который с хмурым лицом и тяжелым сердцем выехал из города. И чем дальше уходили они, тем сумрачнее становился Нопалцин, и тем сильнее давило ему сердце собственное бессилие.

Иккохтли всю дорогу до Чалько пытался развеять обиду своего друга. Он понимал, какую рану Сатхла нанес сыну, не позволив поднять оружие в час, когда все благородные ацтекские юноши взялись за луки и копья, чтобы прогнать иноземцев. Вместо этого гордый Нопалцин должен был, как трус, бежать и прятать сокровища отца. Все это понимал Иккохтли, и он всем сердцем был согласен с Нопалцином, который предлагал отцу самому отправиться в Чалько, но Сатхла был неумолим. Наверное, он слишком любил своего сына, раз выслал его из утонувшего в крови, опасного и кипящего, как адский котел, Теночтитлана.

А за городом будто и не было войны. За городом покой дремал в лесах и на полянах, только в очагах людского бытия, в домах по углам тихо шептались тревожные вести.

Но маленький кортеж не подходил к людскому жилью, он избегал проторенных дорог и узких троп, где немислимый груз мог стать добычей. Редкие встречные и не подозревали, что в красивом паланкине едет не какой-нибудь кацик под охраной своих воинов, а россыпь золота и драгоценных камней одного из богатейших людей погибающей империи ацтеков, именно тот бездушный металл, который пришли отнимать испанцы ценой живой крови.

Путь до Чалько занял у безутешного Нопалцина гораздо больше времени, чем он рассчитывал. Дикая природа Ацтлана, лесные тропы и трясины, медлительность продвижения злили его безмерно, он кричал на воинов, заставляя их чуть ли не бегом нести бесценный груз. Иккохтли лишь искоса поглядывал на друга и улыбался про себя, его сместила неукротимость Нопалцина, но он боялся это показать.

Какой бы длинной не была дорога, рано или поздно она должна окончиться, так и завершился путь сокровищ. Ни в один из домов Чалько не зашел маленький кортеж, но остановился он в небольшой рощице с родником недалеко от города. Нопалцин остался с несколькими воинами и золотом, а Иккохтли с остальными отправился на разведку местности, чтобы найти подходящее место, где можно было бы безопасно и надежно скрыть сокровище в недрах земли.

Только к вечеру вернулся Иккохтли со своими спутниками, усталый и по-прежнему невозмутимый. На молчаливый вопрос Нопалцина он лишь пожал плечами и, расстелив плащ из разноцветных перьев, лег на него и уснул. Два следующих дня провел Иккохтли в бесплодных поисках. Нопалцину казалось, что он слишком привередлив к выбору места, и зарыть сокровища можно было бы где угодно, в любом лесу, в первой попавшейся заметной расселине, лишь бы не было свидетелей этому. Но Иккохтли был несговорчив, он отвергал одно место за другим, пока на четвертый день пребывания в Чалько, не остановил выбор на старой пещере недалеко от озера. Она настолько воодушевила привереду, что он, не останавливаясь для отдыха, уже на следующее утро прибыл к Нопалцину, который все это время страдал от томительной тоски.

– Радуйся, брат мой Нопалцин! – вскричал Иккохтли, сердечно его обнимая. – Радуйся, ибо я нашел то, что так долго искал. Сегодня же мы можем отправиться в путь, когда закат окрасит этот мир, к утру мы будем на месте, и каком месте!

Нопалцин угрюмо кивнул: всеми мыслями он был в Теночтитлане, и его мало заботило, где будут зарыты сокровища отца, лишь бы поскорее от них избавиться и вернуться в город. И вот тогда он уже не слушает старого Сатхлу, и делает для Родины все от него зависящее, пусть даже это будет его смертью.

Иккохтли весь день безумствовал: он не сидел на месте, в

возбуждении потирал руки, в его молодых и восторженных глазах светилась радость человека, нашедшего ладони самого Бога, он что-то неразборчиво бормотал, то и дело замолкая на полуслове. Молчаливые воины с удивлением поглядывали то на одного, то на другого хозяина, силясь понять, что с ними творится.

Вечером маленький отряд оставил место своей уединенной стоянки и бесшумно углубился в джунгли. Темен и непроходим был лес, но ни одно животное, ни одна птица не напугала бы путешественников больше, чем поступь человека, ибо нет на свете зверя страшнее и хитрее его.

На рассвете усталые путники прибыли к небольшой пещере, вокруг которой стояло несколько сейб, причем одна из них была настолько крива, что ветки ее указывали в небо огромными пальцами. Иккохтли нежно провел рукой по стволу и сказал:

– Запомни, Нопалцин, это дерево, пусть оно будет знаком, на случай, если твой отец захочет вернуть свои сокровища, в этой пещере захороним мы их.

– Зачем мне запоминать? – усмехнулся Нопалцин. – Ведь мы оба вернемся домой живыми и здоровыми, вот сам и расскажешь Сатхле, куда ты зарыл его золото.

Иккохтли укоризненно покачал головой и предложил всем передохнуть, перед тем как начать свое нелегкое и опасное дело. И как только безлунная ночь опустилась на джунгли, неутомный Иккохтли растолкал своих спутни-

ков и заставил их выгрузить мешки с золотом.

– Мы с тобой, Нопалцин, – сказал Иккохтли, зажигая факел, – пойдем вперед, а воины следом понесут мешки. Спрячем золото и скорее вернемся в твой Теночтитлан, – улыбнулся Иккохтли. – Да не оскудеют его богатства!

– Это золото погубило нас. Ведь именно за золотом пришли теоли! – негодуяще ответил Нопалцин, входя в пещеру вслед за Иккохтли, которого, казалось, несколько не беспокоили захватчики.

– Нет, Нопалцин, – грустно сказал Иккохтли, не скрывая, однако, своего торжества, – они пришли за властью и вашими душами.

Нопалцин ничего не ответил, и они молча пошли по темным переходам пещеры. Сумрачна была пещера, сумрачна и страшна. Нопалцин еще никогда не видел такого ужасного места. Прожилки белой кристаллической породы рассекали стены; они мерцали от света факелов, превращая пещеру в мистическую и волшебную дорогу.

– Как красиво! – воскликнул Нопалцин.

– А я что говорил! – торжественно ответил Иккохтли. – Неужели это место не достойно, чтобы похоронить в своих недрах сокровища?!

Последний слог Иккохтли прокричал таким громовым голосом, что древние стены пещеры содрогнулись и вибрацией отдали звук, пронзая черепа его спутников.

– Но мне здесь не нравится, – шепнул Нопалцин и обер-

нулся на идущих с опаской воинов.

– Не бойся, – рассмеялся Иккохтли. – Это же просто эхо.

– Нужно ли нам идти дальше? – недоуменно спросил Нопалцин, останавливаясь. – Мы могли бы спрятать сокровища прямо здесь.

– Зачем тогда вообще заходить в пещеру, если ты не собираешься дойти до ее конца? – спокойно ответил Иккохтли, и шествие двинулось дальше.

А проход становился все уже и уже, лишь один человек мог идти по нему, и компания растянулась в цепочку; кристаллическая порода в стенах здесь лежала крупными пластами, так что в пещере было светло, как днем, всего от пары факелов.

Долго шли они, воины начали сгибаться под тяжестью мешков, Нопалцина больше не интересовал причудливый рисунок стен, ему хотелось единственно поскорее покинуть это место; лишь Иккохтли невозмутимо шел вперед, будто знал, куда идет.

Что бы там ни было, а вышли они в огромную пещерную залу, стены, пол и потолок которой сплошь состояли из сверкающей кристаллической слюды. В центре лежало небольшое озеро с прозрачной водой, которое постоянно пополнялось журчащим ручейком, выбегающим из отверстия в стене. Несмотря на это, озеро не выходило из берегов, видимо, вода вытекала из него через донное отверстие.

Красота залы захватила маленьких людей. Даже глупые

воины поставили мешки, пораженные подземным пейзажем.

– О, великий Кецалькоатль! – воскликнул Нопалцин, и эхо не ответило ему. – Неужели это сделала природа?!

– Больше, чем природа, – усмехнулся Иккохтли. – Посмотри, это место достойно великого правителя, – и он указал на прозрачный кристаллический трон, высившийся у озера.

– Да, верно, – только и мог сказать Нопалцин.

– Это очень старое место, друг мой, – серьезно сказал Иккохтли. – Когда-то земля имела другой лик. Наверное, именно здесь древние люди вершили суд над смертными и бессмертными. Здесь вещает сам Бог. Хочу спросить у Него, для чего я, странное существо, живу на этом свете!

– Это проклятое место, господин, – обронил один из воинов.

– Возможно, – спокойно сказал Иккохтли. – Но пока мы не будем нарушать здесь порядок, никто не тронет нас. Неизвестно, остался ли кто еще из этих людей, – и он указал на противоположную стену, испещренную непонятными знаками.

– Здесь мы и оставим наши сокровища, – робко сказал Нопалцин, поежившись.

– Нет, иначе древние поймут это, как воздаяние. Посмотри, вода из озера уходит вниз, мы спустим мешки в нижнюю залу.

– Но... – недоуменно сказал Нопалцин, – но ведь тогда мы

не сможем достать их обратно.

– Боюсь, что не мне, не тебе... – сказал Иккохтли и осекся. – Прыгай в озеро, Нопалцин, и плыви через отверстие вниз.

– Нет, – промолвил он бескровными губами.

– Ладно, тогда я пойду первым, ты за мной, а воины сбросят нам мешки. Поняли? – грозно обратился он к сбившимся в кучу от страха воинам.

Дождавшись, когда они закивали головами, Иккохтли со смехом, стократно увеличившим ужас воинов, начал стягивать с себя одежду, пока не остался в одной набедренной повязке и ожерелье из нефритовых бусин. Затем он окинул трусов презрительным взглядом и исчез в прозрачных водах.

– Господин, – робко обратился один из воинов. – Проявите благоразумие, не лишайте себя жизни, как этот безумец, ведь неизвестно, что там, внизу.

– Глупец, – усмехнувшись, сказал Нопалцин. – Несите сюда мешки.

С помощью воинов Нопалцин спустил мешки в воду, потом сам вошел в озеро и начал подталкивать сокровищницы к большой дыре, через которую вода из озера уходила вниз. Выстроив их в цепочку, он подозвал воинов, и они вместе начали толкать последний мешок, пока первый не исчез в отверстии, потом второй, третий, только четвертый не решился столкнуть Нопалцин, ведь тогда бы он упал сам!

– Пойдемте, хозяин, – тронул его за руку воин, но Нопал-

цина манила неизвестность, манили приключения, ах, если бы только знать, погиб Иккохтли или нет. Может быть, он остался жив и сейчас видит и знает что-то такое, что ему, Нопалцину, никогда в жизни не увидеть, и тогда Иккохтли до конца жизни будет считать его трусом.

– Когда мы вернемся в Теночтитлан, – в раздумье сказал Нопалцин, – я, презрев волю отца, возьмусь за оружие и пойду на защиту Ацтлана...

– Господин, – перебил его воин, – факел гаснет, мы можем не выбраться...

– Не перебивай! – крикнул Нопалцин и продолжил, – и тогда я погибну, да, я знаю, что будет так, и если я спущусь вниз, то возможно, погибну тоже. Так есть ли разница?

– Оставайтесь здесь, – приказал он воинам, глядя на них полубезумными глазами, – оставайтесь и ждите, пока я не приду за вами.

С этими словами он кинулся в озеро, оттолкнув кожаный мешок, который упал и разорвался, золото рассыпалось по дну, засверкав чудной галькой.

Стены пещеры содрогнулись, глухая вибрация упала с потолка, пол засветился неясным огнем, и голоса давно уснувших правителей земли прильнули к ушам воинов. Но не слышал их Нопалцин, ибо он был уже далеко, если бы пришлось ему познать то, о чем шептали перепуганными воинам неведомые создания, он бежал бы из пещеры, не обращая внимания на честь и любопытство.

Нопалцин не погиб, он выплыл, с небольшим водопадом он слетел вниз, попав в нижнее озеро, откуда радостный Иккохтли с трудом вытягивал последний мешок.

– Что ты так долго, друг мой? – рассмеялся он, и эхо подхватило его слова, понесло по переходам пещеры и вернулось в другом обличье:

– Вы все умрете, – рассмеялась пещера.

Нопалцин вышел из воды и замер в изумлении. Здесь было столько сокровищ, сколько он еще никогда в жизни не видел, да и вряд ли кто видел, вообще. Золотые и алмазные статуи странных по форме людей стояли вдоль стен круглой пещеры, пол был выложен драгоценными камнями и пластинами из неведомого металла. Это достояние сверкало и слепило глаза, лишало разума в единственном желании обладать всем этим.

Нопалцин поднял из большой кучи драгоценных камней ожерелье из прекраснейших по обработке камней немыслимого голубого цвета и одел его на шею каменной женщине, держащей в руках кристаллический шар, в котором отражалось лицо Нопалцина, искаженное до неузнаваемости.

– Невероятно! – воскликнул он, и пещера ответила ему: «Вы умрете!»

– Страшное место, – сказал Нопалцин, и пещера вновь пожелала им гибели.

– Не обращай внимания, друг мой, – сказал Иккохтли. – Это уловка древних, они хотят напугать нас. Давай-ка пере-

несем наши мешки вон в тот угол...

И пещера рассмеялась над ними.

С большим трудом оттащили они сокровища Сатхлы и составили их у подножия статуи бородатого мужчины, который улыбался одной половиной лица, а другой лил драгоценные слезы.

Нопалцин устало сел на мешок и еще раз оглядел пещеру, на него давило такое количество золота, и он хотел только одного – уйти отсюда поскорее, потому что это было, в самом деле, страшное место.

Несколько коридоров разбегалось в стороны от залы, и возле входа в каждый стояло золотое изваяние, но темны были эти дыры, страшны и непознанны.

– Как же мы выберемся отсюда? – робко оглядываясь, спросил Нопалцин.

– Вы умрете, – ответила пещера.

Иккохтли вдруг замер и посмотрел на сверкающий потолок – к ногам юноши с него закапала кровь.

– О, Кецалькоатль! – шепотом воскликнул Нопалцин.

– Древние люди проснулись, мы разбудили их, теперь мы точно погибнем, – сказал Иккохтли, и пещера не ответила ему. – Наши воины поубивали друг друга там, наверху.

И пещера подтвердила:

– Погибли.

– Нам нужно уходить отсюда, – продолжил он, – пока и мы с тобой друг друга не убили.

– Но куда нам идти?! – в ужасе воскликнул Нопалцин, оглядываясь по сторонам. – Тут столько ходов!

– Никуда! – рассмеялась пещера.

– Ты сам выбрал путь, – сказал Иккохтли и указал на статую женщины с голубым ожерельем на шее.

– Погибла, – подсказала пещера и разоткровенничалась, – хотела многого. Путь смерти. Умрешь!

– Она красивая, самая красивая. Вот оно, лицо моей любимой. Наверное, я должен стоять здесь, рядом с нею в вечности.

– Иккохтли! – воскликнул Нопалцин, – нам пора. Ты уверен, что этот путь выведет нас на землю?

– Откуда мне знать? – нервно улыбнулся Иккохтли. – Я должен узнать, я не могу уйти, пока не услышу от него ответ. Так ответь, Господи, зачем я живу?!

– Умри! – крикнула пещера.

– Да замолчи ты! – в испуге воскликнул Нопалцин, зажимая руками уши.

– Умри! Умри! Умри! – засмеялась пещера.

Нопалцин испуганно закричал и всхлипнул.

Иккохтли с отчаянием посмотрел на статую женщины, затем на своего перепуганного до смерти друга, он колебался, но не долго. Крепко схватил он за руку живого человека и потащил в проход, защищаемый женщиной с голубым ожерельем на шее.

– Вы умрете! Умрете! – на разные голоса кричала пеще-

ра. – Умрете! Нет! Не туда!

Темен был проход, но обернувшись, Иккохтли увидел, что кровью налились глаза его друга, что злоба исказила его лицо, а из открытого рта торчат нечеловеческие зубы.

– Вы умрете! – кричала пещера.

И тогда вспомнил Иккохтли силу оленя, и кровь застучала в его висках, ибо одно у него было спасение от названного брата своего – бежать. И вселилась горячая кровь оленя в юношу. Он почувствовал, как наполняет она его тело возбуждением и легким страхом. Иккохтли-олень бежал легко и быстро, ноздри его раздувались, дыхание пульсировало в такт движениям ног, весь он, казалось...

И стал свет. Иккохтли без сил пал на землю, а рядом свалился его названный брат. Нопалцин сплюнул кровь, текущую из прокушенной щеки и непонимающе воззрился на Иккохтли.

– Ну, брат мой, – сказал Иккохтли, задыхаясь, – я знал, что такое быть охотником, теперь я знаю, и что такое быть оленем.

Тихи были джунгли вокруг них. Утро благословенное оживляло небеса.

– Вот и все, – сказал Нопалцин. – Теперь мы можем вернуться в Теночтитлан и постоять за честь нашего народа.

– Нопалцин, – тихо и серьезно обратился к нему Иккохтли, – если ты вернешься, смерть страшная и мучительная ожидает тебя, ты умрешь не на алтаре своего народа, не с

оружием в руках, в час смерти ты будешь молить о ней. Запомни, вернувшись, ты станешь великим воином, но умрешь бесславно. Если останешься в Чалько, то будешь жить долго-долго, и величайшим из великих будут называть тебя, но никогда не сможешь ты смыть кровь народа со своих рук, – Иккохтли помолчал, затем добавил. – Я от многого отказался ради тебя. И какой бы не выбрал ты путь, до конца я буду с тобой.

Нопалцин с благодарностью посмотрел в глаза Иккохтли, вздохнул и тихо сказал:

– Мы возвращаемся.

6.

Толпа гнала мальчишку через Паунд-сквер к парку. Взрослые люди улюлюкали, потрясали тростями и котелками, а бедняга из последних сил улепетывал от разъяренных джентльменов. Они почему-то не любили, когда их грабят.

А он не любил вот таких погонь. Уж если тебя обворовали, так будь человеком, схватись за остатки своих волос и громко вырази негодование, зачем же бросаться в погоню, собирая по пути целую толпу охотников за неудачливым ворюшкой.

Мальчишка кубарем скатился в подворотню заброшенного дома на Эльвитер-стрит, и толпа остановилась перед воротами, недоумевая, стоит ли ломать их, чтобы добыть несчастного и забить его палками, или лучше поставить здесь охрану, а остальным сбегать за полисменом, которого и заслать в этот, как говорят, странный дом, где живут духи повесившихся на Рождество хозяев.

Пошущукавшись, толпа разошлась по своим делам, а в одиночку огорченный потерпевший не решился входить в проклятый дом. Он похлопал себя по опустошенным карманам и подался восвояси.

Мальчишка тоже не хотел заходить в этот дом, но ему пришла в голову мысль, что обворованный им джентльмен может послать за полисменом, и тогда ему точно не миновать

рабочного дома. И эта мысль, раз появившись, никак не хотела покидать голову бедняги. Путь к спасению лежал за старой зеленой дверью без замка, над которой без ветра качался разбитый фонарь.

Мальчишка поехал на этот фонарь и сделал шаг по направлению к двери. Остановился, оглянулся, затем сделал шаг еще и еще, пока не оказался нос к носу с ней, с дверью.

Он сильно не хотел входить в эту дверь, настолько сильно, что даже полисмен начал ему казаться добрым, а обворованный им человек снисходительным джентльменом; но он вошел. Дверь недовольно фыркнула и впустила мальчишку в темноту забитых окон. Он прижался спиной к предательской двери и от волнения чихнул. Она приоткрылась, впусив в темноту снопок света и сквознячок.

– Слушай, ты или туда или сюда, ведь дует же, – слышался из угла мужской голос.

Мальчишка замер и задрожал, не в силах сделать ни шагу туда, ни тем более сюда. Дверь немного подумала и закрылась сама.

– Вот так вы всегда, – продолжал возмущаться голос. – Сначала заходите, куда не попадая, и только потом, потом, когда уже поздно, думаете. Эх, люди!

Мальчишка был трусом, иначе бы не стал вором, и как опытный вор он понимал: что бы это ни было, не стоит его злить.

– Я... – сказал он и икнул. – Я просто спасался от погони,

и забежал сюда... спрятаться.

– Нашел место! – презрительно фыркнул голос. – Как тебя зовут?

– Джонни.

– Дурацкое имя.

– Мое имя Джон, и я не считаю свое имя дурацким, так назвали меня родители, а они были уважаемыми людьми! – сказал мальчишка, он очень трепетно относился к своим корням.

– О-го-го! – рассмеялся голос, – посмотрите-ка, какой герцог нашелся! Так-то ты чтешь память своих уважаемых родителей – шаршишь по карманам у джентльменов?

– Как вы узнали? – Джонни открыл от удивления рот.

– От тебя за милю пахнет воровством!

– Воровство не пахнет! – возмутился Джо.

– Хм, а ты понюхай-ка, чем пахнет бумажник, который ты свистнул.

Джон достал из кармана сворованный бумажник и принюхался: он пах одеколоном и табаком – запахами взрослого мужчины.

– Ну как?

– Да, пахнет, – сконфузился Джо.

– Слушай, ты проходи, – сказал голос. – На комодѣ стоит свѣча. Он справа от тебя.

Джон с замиранием сердца добрался до комода и, чиркнув спичкой, зажег свѣчу. Темная комната стала сумрачной,

но света свечи оказалось достаточно, чтобы очертить фигуру мужчины, сидящего в кресле у камина.

– Кто вы? – робко спросил Джо, уверенный, что сейчас ему предложат продать душу, и готовившийся дать отпор всем чертям ада.

– Я? – мужчина рассмеялся. – Не бойся, я не черт, не сатана, не привидение. Я, в общем-то, наверное, человек.

Мужчина поднялся и встал в свете свечи. На похмельном, заросшем многодневной щетиной лице играла полупьяная улыбка, которую лучше бы назвать издевкой; волосы были всклокочены, одежда мятая, в беспорядке, – в общем, обычный беспробудный пьяница.

Увидев перед собой это, мальчишка совершенно оправился от страха, это не могло причинить ему вред, потому что бегало медленнее, чем он, Джонни.

– Вот ты какой! – сказал Джонни. – И не страшно тебе здесь одному?

– Мне одному, мой друг, нигде не страшно, – сказал мужчина. – А если с кем-нибудь, то знаешь ли, сразу становится не по себе. Редко можно встретить человечка, с которым есть о чем поговорить по душам. Ты еще молодой, не поймешь.

– Мне уже двенадцать лет! – довольно сказал Джо, пересчитывая деньги из бумажника.

– Это мало, – улыбнулся мужчина.

– А, хватит, – беспечно махнул рукой Джо.

Наверху раздался скрип и бормотание, кто-то забегал, за-

стучал посудой, и Джо невольно выпустил из рук деньги, которые невесть откуда взявшимся ветерком разметало по комнате.

– Зря ты это, – неуверенно сказал пьяница, – деньги-то. Они этого не любят.

– Кто? – шепотом спросил Джо.

– Как кто? Привидения.

В углу зашевелилась мышь и метнулась через пятно света в другой угол.

Джо не дрогнул, но деньги собирать не стал.

– Ты что, здесь живешь? – спросил он у мужичка.

– Я? Нет, просто, понимаешь, приехал в Лондон, думал, может, хоть здесь похороню всех чертей своего ада. А тут – тоска.

– Да, тут тоска, – подтвердил Джо.

– Что же ты тогда тут торчишь, парень. Мир – он большой.

– И круглый, – усмехнулся Джон.

– И круглый, – повторил мужичок. – Но ты знаешь, в мире есть такие места, где об этом забываешь, впрочем... ты не поймешь.

– Как вас зовут, сэр? – поинтересовался Джонни.

– Меня? – мужичок усмехнулся. – Меня уже давно некому звать.

– Я про имя спросил, – оскорбился Джон.

– Когда-то в детстве, у меня было смешное имя, – сказал мужичок, и в глазах его блеснули слезы. – Потом меня на-

чали называть рабом, а у рабов не бывает имен. Следующее мое имя слишком трудно для произношения, значит, оно тоже отменяется.

– Давайте остановимся на последнем, – глубокомысленно сказал мальчик.

Мужчина рассмеялся:

– Ах, ты стервец! Ладно, позвольте представиться – дон Родриго Альбана-и-Бланко, герцог, бывший советник его величества короля Филиппа, бывший плантатор, пират и... – Родриго на минуту запнулся, – и убийца, да, именно убийца.

– Не заливай! – удивился Джон.

– Слово пирата! – воскликнул Родриго и грациозно поклонился.

– Настоящий пират?! – глаза Джо расширились от удивления.

– Это все в прошлом, – махнул рукой Родриго.

– Ты прячешься от полисмена?

– Хм, с чего ты взял?

– Ты же сам сказал, что ты убийца, – ответил Джо. – Ты кого-то убил?

– Я много чего натворил за свою жизнь, мальчик, – спокойно сказал Родриго, – и за это я себя не виню. Но однажды я сделал страшную ошибку: поддался на уговоры и убил беззащитного человека, вот этими руками, – и он посмотрел на свои руки, будто бы они до сих пор оставались в крови.

– Бог простит тебя, – сказал Джон, – ты же сделал это

неумышленно.

– Бог никогда не простит меня! Бог – зол, я искал его, но нашел только надменное молчание и угрозы! – дьявольски сверкнув глазами, воскликнул Родриго, и Джону опять стало не по себе.

– Наш священник говорит, что Бог прощает все, кроме богохульства и самоубийства, – утешил его Джон.

– Милый друг, но я участвовал именно в самоубийстве! – торжественно сказал Родриго. – Я помог уйти в мир иной прекрасной, нет, прекраснейшей женщине на свете! Она так боялась боли! Не хотела умирать от тяжелой болезни и попросила убить ее.

– Наверное, ты ее очень любил? – посочувствовал Джон.

– Бог наказывает меня за гордыню, как сказал бы ваш священник. Я думал, что смогу помочь, но Он рассудил иначе. Он ничего не дает навсегда, только попробовать.

– Мне страшно от твоих разговоров, – сказал Джон.

Родриго тяжело вздохнул.

– Ты славный парень. Ты мне очень напоминаешь одного человека в столь же юном возрасте, может быть, судьба не зря столкнула нас. Что ты собираешься делать в будущем?

– В будущем? – Джонни облизнул сухие губы. Испанец казался очень странным, он должен был бы сильно пугать его, но Джо почему-то не боялся. – Я не знаю.

– Ты хочешь разбогатеть, воруя бумажники из карманов джентльменов? Если ты не прекратишь этим заниматься, то

через два, нет, три месяца умрешь от холеры в лондонской тюрьме.

Джон от удивления открыл рот.

– Но сегодня тебе даруется шанс изменить свою судьбу, Джонни. Как твоё полное имя?

– Джон Максимилиан Корнуэл.

– Ну надо же Максимилиан! Ладно, скажи лучше, согласен ли ты довериться мне всей душой, чтобы изменить существующее течение времен?

– Ты хочешь забрать мою душу?! – в страхе воскликнул Джон, порываясь сбежать.

– Зачем она мне?! – рассмеялся Родриго. – Душа принадлежит Богу, а не тебе, чертов маленький богохульник! Я хочу забрать твоё имя и дать другое.

Джон пораскинул мозгами: имя – не душа, чего ему терять, вдруг этот странный испанский пират и впрямь вытащит его из грязной кабальной ямы, где малыш Корнуэл пребывал. Если он не завяжет с воровством, то не будет ничего удивительного в том, что через три месяца его мертвым выволокут из тюрьмы и похоронят в общей могиле. Лучше уж лишиться имени, чем жизни.

– Ну хорошо, я согласен, – неуверенно ответил он.

– Ты уверен? – строго спросил Родриго.

Мальчишка кивнул, Альбана подал ему руку, и Джон заколебался, не зная, стоит ли её брать.

– Правильно, – усмехнулся Родриго, – никогда не бери

мою руку, даже если я сам предлагаю ее тебе, – и он ласково потрепал Джона по голове...

Мисс Мэри Форестер не могла глаз отвести от молодого герцога Альбана, как впрочем, все лица женского пола в небольшом музыкальном салоне леди Гилмор. Знойный красивый испанец с манерами истинного джентльмена и самой пленительной мужской улыбкой, он, казалось, не обращал никакого внимания на прелести окружавших его дам, был вежлив и невозмутим. Он томно потягивал скотч и прислушивался к тихому пению леди Гилмор, исполнявшей какую-то заунывную балладу. Только мисс Мэри, кошечку Милки, не пугала эта удивительная отчужденность испанского гранда, и она уже решила, что обязательно выйдет замуж за одного из богатейших людей Европы, а именно за герцога Диего Альбана-и-Бланко, единственного отпрыска старейшего рода, наследника известного владельца транспортной компании и пирата.

– Отчего вы так грустны, дон Альбана? – нежным голоском спросила Милки, усиленно обмахиваясь веером, так что черные волосы Диего шевелились от ветра.

– Простите, леди, сквозняки меня убивают, – сказал он и отодвинулся от Мэри.

Милки покраснела, но не сдалась.

– Но вы грустны весь вечер!

– Разве меланхолия уже не в моде? – удивился Диего. –

Боюсь, я слишком долго был оторван от вашего блестящего высшего общества.

– О! наверное, вы были в каком-нибудь плавании! Это так интересно!

– Не думаю, что для столь нежной леди может быть интересна жизнь матроса! – усмехнулся Диего, но тут же смутился. – Простите, леди Мэри, я иногда говорю то, что думаю, а у вас так не принято.

– Наверное, именно из-за этого о вас идет слава, как о покорителе женских сердец.

– Неужели? – наигранно удивился он. – Что вы говорите!

– Да, я слышала, что вы покорили всех знатнейших девушек Испании, и бежали оттуда, боясь, что разгневанные родители заставят вас жениться! Говорят, что у вас неистребимый интерес к женщинам.

– Это неудивительно, если учесть, что половину жизни я провел в монастыре, – дон Диего с тоской подумал, что мужчинам почему-то не полагается веер, а как было бы здорово спрятать за ним издевательскую и скучающую ухмылку. Он пришел сюда вовсе не для того, чтобы любезничать с этой пустоголовой дурочкой или слушать завывания безголосой леди Гилмор.

– О! Как интересно! – распахнув свои изумрудные глаза, воскликнула Мэри.

Дон Диего только кивнул в ответ и сделал вид, что увлечен своим скотчем.

Настал момент идти к столу, и Мэри с досадой смотрела, как ловко лавируя среди гостей, к ней приближается лорд Фаундстоун, ее наиболее жаркий воздыхатель и, вероятно, по желанию отца ее будущий супруг. Она молитвенно повернулась к дону Диего, надеясь, что он проявит благородство и предложит сопровождать ее к столу, жаль только, что сидят они на разных концах. Но дон Альбана явно не обращал на прекрасную Милки никакого внимания.

После обеда, который, как заметила леди Мэри, до Диего провел в увлеченной беседе с каким-то полковником, всех гостей пригласили посмотреть на новые фонтаны – очередной и очень дорогостоящий каприз леди Гилмор. Вот тут-то она и потеряла из вида герцога Альбана, который словно в воду канул. Мэри было очень неловко расспрашивать слуг так же, как и интересоваться у леди Гилмор на предмет ее титулованного гостя, поэтому она подавила разочарование и позволила лорду Фаундстоуну вывести ее в сад.

Они прошли по тенистым тропинкам к небольшой беседке, где к удовольствию лорда Фаундстоуна, смогли наконец-то остаться одни.

– Сегодня прекрасная ночь, леди Мэри! – со сладкой улыбкой сказал лорд Фаундстоун.

– А по-моему, весьма прохладная, – сказала леди Мэри, садясь на скамью.

– Вы забыли свою шаль в салоне, – ласково произнес лорд, – если хотите, я принесу.

– Буду премного благодарна, – кивнула Милки, подавив желание прямо сейчас, сию минуту, бежать от назойливого кавалера.

Как только лорд Фаундстоун завернул за угол, Милки встала и решительно углубилась в парк, ей страшно не хотелось терпеть общество своего поклонника, к тому же она была обижена отношением дона Диего, который совершенно не обращал на нее внимания. Мэри тяжело вздохнула и сорвала с куста полураспустившуюся розу, – она была прекрасна, поистине царица цветов, и леди Мэри сожалела, что она не царица среди женщин.

Милки прислушалась: где-то слева, совсем недалеко, раздавались голоса, и один был ей знаком, он явно принадлежал дону Диего. Прячась за дубами гилморовского парка, леди подобралась поближе, и буквально ловила каждое слово, слетавшее с уст ее принца.

– Завтра на рассвете? – спросил дон Диего.

– Да, – ответил другой голос, от тихого тембра мурашки побежали по телу Милки. – Из Портсмута, корабль называется «Сан-Хуан». Пароль – Семульгад. Когда прибудешь в Мехико, на улице святого Франциска есть дом, принадлежащий некоему дону Педро де Лоба, он без лишних вопросов даст тебе людей и лошадей. Вот карта, пещера с сокровищами отмечена кружком, – мужчина немного помолчал и продолжил. – Ты не передумал? Хорошенько посмотри вокруг: всего этого ты хочешь лишиться себя. Красивые леди, вкусная

еда и чудесная музыка... Жизнь как подарок в яркой коробке. Ты уверен?

– Для этого ты назначил встречу в таком странном месте? – усмехнулся Диего. – Я не передумаю.

Леди Мэри с восторгом подумала, что дело пахнет интригой и сокровищами: дон Диего встречается ночью в парке с каким-то таинственным человеком, который передает ему карту сокровищ и сообщает адрес доверенного лица!

– Спасибо, дон Альбана, – тихо сказал дон Диего, подавая руку мужчине.

«Дон Альбана!» – подумала Мэри, – «еще один дон Альбана, уж не отец ли!»

– Поступай, как знаешь, Джонни, но не думаю, что мне стоит пожимать твою руку, – ответил собеседник дона Диего.

«Вот как!» – леди Мэри была в замешательстве, – «значит, Джонни». Да, дело пахло интригой, и большой интригой!

Диего-Джонни опустил протянутую руку и, раскланявшись, пошел прочь. Дон Альбана внимательно посмотрел на дерево, за которым пряталась леди Мэри и, покачав головой, исчез в тени деревьев. Милки постояла еще минуту для верности и, торжествуя, вернулась в беседку, где на скамейке грустно сидел лорд Фаундстоун, обиженный ее бегством.

Милки была заинтригована, поражена открывшейся тайной, и ей хотелось знать все. Мэри была не из робкого десятка, с детства она скакала на лошади, стреляла и бегала лучше, точнее и быстрее своих братьев, она зачитывалась кни-

гами о морских разбойниках и свято верила, что когда-нибудь с нею случится необычайное приключение. И вот она, судьба, пришла к ней в лице настоящего герцога и тайны сокровищ!

– Лорд Фаундстоун, – заискивающе сказала она. – Сколько времени нужно, чтобы добраться до Портсмута?..

Дорога до Портсмута заняла у леди Мэри много времени, намного больше, чем хотелось бы юной искательнице приключений, а именно весь день. Она чуть не загнала свою лошадь. Она сбежала из дома на рассвете, пока утомленные балом родители мирно почивали, пока спали грум и конюх, с вечера опившиеся джина. Леди Мэри переделалась в костюм одного из своих младших братьев, так что стала похожа на мальчика, спрятала под шляпу прекрасные белокурые волосы и отправилась искать приключений.

Добравшись до Портсмута уже почти ночью, Милки бросила лошадь на пристани, взяла шляпку и без труда добралась до «Сан-Хуана», полощущего свои паруса на ветру. Ей очень нужно было поговорить с доном Диего, пусть даже для этого придется выйти в открытое море!

Шляпка стукнулась о борт корабля, и леди Мэри услышала голос с палубы:

– Кого черт несет?

– Семульгад! – крикнула она и накинула капюшон плаща на свою милую головку.

– Дон Диего вернулся! – раздалось на палубе. – Лови трап, сеньор!

Мэри кое-как вскарабкалась по трапу и оказалась там, где, как она думала, ей предназначено быть. Ее встретил настоящий морской волк: одноглазый, в красном платке и зеленом поношенном камзоле.

– Меняй вахту, Коутс! – раздалось сверху, и пират сказал, обращаясь к Мэри:

– Проводить вас в каюту, сеньор? – и получив в ответ кивок, добавил. – Прикажете сниматься с якоря?

– Нет! – испугалась Мэри. – Отплываем на рассвете.

– Чего ждатель? – удивился пират. – Скоро отлив, да и ветер крепчает, «Сан-Хуан» полетит, как бабочка.

– Ждите рассвета, – тихо сказала Мэри и проскользнула в каюту. Только сейчас она поняла, насколько глупо поступила, сбежав из дома и отдавшись в руки настоящим пиратам, которые на деле могут оказаться совсем не джентльменами.

Она зажгла свечу и подошла к столу. Поверх бумаг небрежно лежала карта неведомой местности. Глаза леди Мэри с восторгом блеснули. Она сложила листок пополам и спрятала за подвязку. Теперь у нее в руках был козырь против дона Диего, или как там его, в самом деле, зовут, теперь он расскажет ей все, а если нет, ну что же так тому и быть, она, Милки, сумеет за себя постоять.

Больше часа ждала леди Мэри дона Диего, и дождалась, но не его.

В каюту, предварительно постучав, вошел мужчина, и по голосу Милки поняла, что это собеседник Диего, другой дон Альбана.

– Простите? – недоуменно сказал он, окидывая Мэри насмешливым взглядом.

– А... – сказала Милки. – Э...

– Дона Диего, я так понимаю, еще нет? – осведомился мужчина и очень галантно поклонился.

– Нет, дон Альбана, нет, – вздохнула Мэри.

– Простите, вам меня не представили, – с улыбкой сказал джентльмен. – Но вы ошибаетесь, я не дон Альбана. Я капитан Джон Корнуэл, подданный ее величества королевы Виктории.

Мэри сказала не очень приличное слово и прикусила язык.

– О! – удивился Джон. – Не мог себе представить, что леди знают подобные выражения. Как ваше имя, мисс?

– Милки э... Смит, – соврала Мэри.

Джон улыбнулся и прошел в каюту, плотно прикрыв за собою дверь. Он сел в кресло и задумчиво потер подбородок.

– Диего не говорил, что берет с собой в путешествие прекрасную спутницу, – вскинул он на нее взгляд своих удивительных глаз.

– Наверное, он забыл, – даже не моргнув глазом, соврала Милки.

– Ох, мисс Смит, морское путешествие очень опасно, вам

придется пережить много трудностей.

– Я не боюсь трудностей!

– Охотно верю, но вы не знаете, во что ввязались.

– И во что же я ввязалась? – поинтересовалась Милки.

– В одну нехорошую историю, которая началась много лет назад. Мне, право, очень жаль, что я не могу спустить вас за борт, как пират. Но еще не поздно, корабль не поднял якорь, и родители не сошли с ума от горя, вы можете уйти, мисс, и я настоятельно советую вам это сделать. Кем бы ни был дон Диего, он не стоит такой жертвы. Это я вам говорю, как... друг семьи.

– А это правда, что отец дона Диего был пиратом, а сам он полжизни провел в монастыре, и что женщины для него лишь мимолетное развлечение?

Корнуэл рассмеялся.

– Спросите у него сами, если решите остаться. Думайте скорее, мисс, пока не вернулся дон Диего. Я велю Коутсу спустить шлюпку?

– Для начала мне нужно поговорить с доном Диего, а потом я с удовольствием вернусь на берег.

– Не получится, – тяжело сказал Джон. – Давайте говорить начистоту. Что нужно вам от дона Диего?

– Его сердце! – выпалила Милки.

Корнуэл расхохотался.

– Бедный малыш, – сказал он, смех душил его. – Всем что-то от него надо, в то время как он мечтает о той свободе, ко-

торуую у него отняли вместе с именем. Теперь вы хотите отнять у него сердце. Ничего не выйдет, мисс, мальчик любит свободу больше, чем женщин...

– С чего вы взяли? – вспыхнула Мэри.

– Поверьте мне, я знаю его с детства.

– Ну, это мы еще посмотрим! – гордо вскинув подбородок, сказала Милки.

– Ах, мисс! В душе он вор, и ни я, ни лучшие воспитатели не сумели вытравить из него эту черту. Он с тринадцати лет хочет стать искателем сокровищ, он навеки влюблен в море. Я вмешался в его судьбу, я спас его от смерти, назвал своим сыном, и теперь я не свожу глаз с творения своих рук, я боюсь, мисс, очень боюсь, ибо не знаю, что сотворил. Я не знаю его судьбы, и это страшно. Но я больше не могу противиться его желаниям, зову крови, я готов пустить все на самотек, и пусть мне будет стыдно! Дон Диего может делать все, что взбредет ему в голову, пусть даже разгромит этот мир, или уничтожит свою душу! Простите, мисс, мне не хотелось бы вмешивать в это еще и вас, вы чудная девушка и можете быть счастливы с достойным человеком. Прошу вас, пока не поздно, уходите.

– Вы слишком много на себя берете, мистер Корнуэл. Со своей судьбой я как-нибудь разберусь, не надо за меня решать. Если мне придется пойти за доном Диего на край света, я пойду, и не позволю всяким проходимцам учить меня! – гордо сказала она.

Корнуэл развел руками.

– Женщина! – воскликнул он. – Женщина и глупейшее существо. Ладно, – успокоился он. – Не говорите потом, что я вас не предупреждал. Отдайте мне, – он протянул руку.

– Что? – не поняла Милки.

– Карту, мисс. Карту в обмен на сердце дона Диего, или клянусь всеми святыми, я насильно посажу вас в лодку и отправлю на берег.

Милки покраснела, поколебалась, отвернулась, достала карту и протянула ее Джону.

– Так-то лучше, – успокоенно сказал он. – Если я не ошибаюсь, она все равно... неважно. Итак, мисс, вручаю дона Диего в ваши заботливые руки. Передайте ему, что я внезапно передумал, сошел с ума, так сказать. Или даю ему второй шанс.

Корнуэл встал и подошел к двери, но на пороге Милки остановила его и спросила:

– Скажите, сэр, что на этой карте?

– Моя жизнь, – коротко ответил он и вышел.

7.

Он устал, замерз, и ему хотелось плакать. Камни через продранные башмаки резали ему ступни, холодный ветер трепал рвань, которое он называл одеждой. Он не ел уже три дня, и еле передвигал ноги от усталости и голода, но ему нужно уйти как можно дальше, ибо только в этом – спасение.

Он сел на валун и посмотрел на большую реку, величаво катившую свои волны. Совсем скоро она покроется льдом, и тогда он сумеет пересечь эту естественную преграду, а теперь он пойдет по ее берегу, возможно, до самого устья, пока не найдет человеческого жилья, где попросится на постой.

За что небеса наказали его, за что?!

– Эй, мальчишка! – раздался над его ухом грубый мужской голос. – Ты кто такой?

«Мальчишка» знал этот язык северных людей, грубый цокающий, как копыта его лошади, которая пала три дня назад, язык воинов и пьяниц.

– Мое имя ничего не скажет вам, господин, – сказала мальчишка, вставая с валуна и кланяясь с придворной легкостью.

– Даже у собак есть имена, – усмехнулся всадник. На большом лохматом боевом коне он был подобен древнему богу, голову его венчал деревянный шлем, одет он был в меховой плащ, на поясе висел внушительный меч. – Только у рабов

нет имен. Идем со мной, – велел он, – держись за стремя.

Мальчишка взялся за стремя и поплелся рядом с конем, каждый шаг давался ему с большим трудом.

– На, выпей, – сказал всадник и подал ему мех.

Мальчишка на радостях хлебнул, но тут же глаза его выпучились, как у окуня, и он закашлялся: никогда он не пил такого крепкого вина.

– Это придаст тебе сил, совсем ведь подыхаешь с голоду.

Ему и в самом деле стало легче, теплее и бодрее, вот только если бы не шум в ушах и странная веселость, не соответствующая положению битого пса.

Вдоль реки они добрались до странного поселения: деревянные дома стояли полукругом, из крыш тянулись дымки, в центре полукруга горел большой костер, и лежали туши убитых животных.

При их приближении из самого большого дома выбежала толпа мужиков, одетых так же, как и подобравший мальчишку, они радостно и громко кричали, все они были пьяными, бородатыми и грязными.

– Родерик! Родерик! – кричали они.

Сквозь толпу протолкалась красивая бледнолицая девушка с русыми волосами, в длинной юбке и отороченной мехом телогрейке. Она подбежала к Родерику и прижалась к его ноге.

Родерик соскочил с коня и нежно обнял девушку.

– Я рад приветствовать тебя, моя Милославна!

Затем Родерик повернулся к слугам и велел:

– Возьмите мальчишку, накормите, отмойте. Он мой раб.

Слуги поклонились, и Родерик в сопровождении Мило-славны и толпы мужиков ушел в самый большой дом.

Мальчишку решительно взяли под руки и отвели в крайнюю постройку, в которой пахло псиной, сеном и дерьмом – запахи, неприятно поразившие придворного пажа.

– Раздевайся. Речь понимаешь? – спросил служка, возрастом равный с мальчишкой, видя, что он не движется.

– Да, – ответил юноша.

– Снимай свое рванье, вот горячая вода, – и служка указал на большой чан, из которого поднимался легкий парок.

Мальчишке было стыдно раздеваться перед незнакомым человеком, да еще и слугой, и он мялся, не зная, как поступить. Тогда служка решительно содрал с его белого тела остатки одежды и внимательно осмотрел его, голого, с ног до головы.

– Какой ты худой! – презрительно сказал служка. – Одни кости, собакам кинуть – есть не станут.

Гордость пажа разыграла в мальчишке, и он легонько ткнул в служку кулаком, отчего тот отлетел к ближайшей стенке, чуть не опрокинув чан. Под его изумленным и обиженным взором мальчишка гордо прошествовал к чану и забрался в до боли горячую воду.

Свирепый и теперь уже молчаливый служка бросил ему одежду, и мальчишка с удивлением и непривычкой натянул

на себя вещи, которые ему никогда не приходилось носить: шерстяные штаны вместо бархатных панталон, грубая рубаха вместо его шелковой, и меховая тужурка вместо разодранного черного плаща с золотыми звездами. В этом наряде он чувствовал себя неловко, штаны кололи, а от меха хотелось чихать.

Служка накормил его жареным мясом, которое мальчишка ел с большой жадностью, ибо был голоден, как волк.

– Что мне теперь придется делать? – спросил мальчишка, насытившись.

Служка пожал плечами:

– Что Родерик прикажет. А пока отдыхай.

Три дня отдыхал бывший паж, пока Родерик не пришел за ним сам. Он был большой, величественный, его глаза метали молнии языческих богов, он казался маленькому рабу не просто сильным, но могущественным. Он был особью другой жизни и требовал от бывшего пажа, чтобы он жил по его правилам.

Родерик внимательно ощупал никудышные мускулы нового раба и разочарованно хмыкнул:

– Неделя работы на весельном, и ты падешь. Умеешь ли ты что делать?

Молодой паж был благодарным человеком, он умел ценить отзывчивость и щедрость в других людях, но он был очень гордым, слишком гордым для раба. Он мог бы сказать, что знает различные науки, письмо, музыку, философию, он

меткий стрелок и остроумный собеседник, умеет читать по звездам и лечить, но он был горд. Родерик признал в нем раба, а раб умеет только махать веслом да работать мотыгой.

– Нет, – спокойно ответил мальчишка.

– Чем же ты жил раньше? – удивился Родерик. – У тебя была хорошая одежда.

– Я был бродягой, – ответил мальчишка, подумав, что это чистая правда, ибо последние дни он брел.

– Ладно, – нахмурился Родерик, – пойдешь прислугой.

Мальчишку покорило от приказания Родерика, он замотал головой, пытаясь прогнать наваждение, и попросил:

– Отправьте меня лучше весельником.

Родерик вскинул брови в немом вызове и улыбнулся в бороду, улыбнулся нежно и зло.

– Будь по-твоему! Ватх!

Прибежал служка.

– Заковать его в цепи и отправить на мое судно! – приказал он и ушел.

Служка злорадно осклабился, за что немилосердно получил в зубы.

В тот же день мальчишку заковали в цепи и с несколькими несчастными пленниками, еще более дикими, чем люди Родерика, отправили на большой трофейный дромон, с одним парусом, на котором было намалевано восходящее солнце и лучи, разбегающиеся от него. Рабов спустили в весельное и приковали к скамьям. Отныне и до самой смерти они долж-

ны были влачить жалкое существование, которое, как правило, оказывалось недолгим.

В весельном отвратительно воняло, было сыро, и бегали полчища крыс. Эти животные особенно сильно отравляли жизнь брезгливому рабу. За две недели простоя они изгрызли его сапоги, и ноги мальчишки оказались беззащитны от холодной воды, всегда бывшей в изобилии в весельном. Но он не простудился и не заболел, как его сосед по скамье, которого вынесли на пятый день, холодного и разбухшего.

Мальчишка дрожал от холода, но лишь крепче стискивал челюсти, чтобы не стучать зубами, он всегда хотел есть и, в конце концов, снизошел до охоты на крыс, он привык к сырости и вони, и большой волосатый Мильгар проиграл кухню свою жену, к огромному удовольствию последней.

Две недели простоя тянулись, как век, пока не пришел приказ мочить весла: бравый Родерик и его дикие подданные собирались совершить набег на караван купцов, поднимавшихся вверх по реке Индьяха. Это было первое испытание для бывшего пажа.

Работа в весельном оказалась, действительно, не для него, ибо он не имел столько сил, чтобы ворочать многопудовым веслом. Это не понравилось Мильгару, и он с удовольствием прошелся плеткой по тщедушной спине раба, по его белой прозрачной коже и острым лопаткам. И так повторялось до тех пор, пока на плечах мальчишки не забугрились настоящие мускулы, не вздулись вены на крепких предплечьях, и

не загрубели руки, не стали мозольными пальцы музыканта.

Так продолжалось несколько лет. Давно умерли от водянки дикие пленники, которых привели вместе с Рабом, умерли те, кого привели раньше и позже, а Раб все жил. Он стал очень крепок, хоть и не избавился от худобы, но плетка все реже и реже касалась его спины, несмотря на то, что Мильгар не знал жалости.

Однажды Мильгар спустился в весельное хмельной и бледный, он принес мех с вином.

– Ну все, ребята, – сказал он. – Конец нам всем. Завтра мы уходим в Большое море, Родерик идет плаванием к берегам Эльдеры, вы подохните через неделю бесконечного махания веслами, возможно, подохну и я, так и не увидев золотого берега. Вот, пейте, – и он кинул рабам мех с вином. – Пора дуйтесь.

Все рабы с удовольствием и жадностью приникли к меху, только Гордый, как его стали звать между собой, отказался. Он сидел и скалился на отребье, сосавшее северную брагу, он так и не снизошел до того, чтобы стать рабом. Он сидел и ухмылялся в лицо матерившему его Мильгару, который к скорби последнего, не захватил с собой кожаную плетку.

И они отплыли. Погода и ветер благоприятствовали. Дромон сам, подгоняемый попутным ветром, легко шел по волнам, поэтому для весельников это была хорошая пора, они мало работали и много ели – их кормили как следует. Но все хорошее быстро кончается, ветер стих, небо затянули серые

тучи, и судно шло, будто по меду. Раб с удивлением заметил: вода, залетавшая брызгами, стала соленой. Он знал, что это называется морем, и удивлялся: зачем разбойный Родерик предпринял такое дальнее и опасное путешествие, которое могло закончиться его гибелью, ведь даже смелые и опытные мореходы часто не возвращались домой, и все считали их проклятыми.

Мильгар был постоянно пьян и, можно было предположить, что все остальные мореплаватели не слишком отличались от него, это удивляло раба: в опасном путешествии не стоит пить крепкое вино.

Первым вынесли худосочного старика, который не выдержал напряжения и фактически безостановочной работы. На его место привели молодого здорового раба, бывшего кузнеца, который легко ворочал большим веслом, будто бы не ощущая его тяжести. И так продолжалось долго: уносили одного выпустившего весло в полумертвом виде и запоротого Мильгаром до мертвого, а на его место приводили нового раба, которого в итоге постигала та же участь. А Гордый все не умирал, он со спокойной монотонностью, уставившись в одну точку, ворочал веслом, и только эта отрешенность спасала его от общей доли.

Но настал день, когда место умершего раба никто не занял. И в этот же день над дромом разразилась буря. Сначала Мильгар пытался заставить рабов грести на один борт, но это не помогло, судно швыряло, как пушинку по бурным

неверным волнам. Тогда он приказал убрать весла, и дромон отдался на волю бога. Кидало и крутило так, что вода через отверстия для весел заливалась бурными потоками. Мильгар не выдержал и убежал наверх.

Положение рабов становилось отчаянным, они не могли уйти от своих скамей, прикованные цепями, на них хлестала холодная соленая вода, судно скрипело и готовилось стать общей могилой.

Буря продолжалась несколько дней, никто за это время не спустился в весельное, не принес рабам еды и воды, и через три дня в живых осталось только пятеро рабов. Остальные, прикованные к лавкам, разбухшие, плавали на поверхности соленой воды, которой было в достатке. Но и по окончании шторма никто не спустился в весельное, словно не осталось ни одного человека, которого могла бы заботить судьба дромона.

Мальчишка (только теперь его уже нельзя было так называть) постучал кулаком в переборку, но лишь молчание услышал он в ответ. Тогда заорал кузнец, колотя веслом по скамье:

– Да есть ли хоть кто живой там, наверху!

– Наверное, их всех унесло бурей, – сказал один раб, пожилой уже мужчина, в бороде которого серебрились седые волоски. – А если они все подохли, то мы свободны.

– Ты сначала попробуй освободиться от цепей, – усмеялся молодой раб, его привели последним, поэтому он был

бодрее всех.

Пятый раб уже умирал: он наглотался морской воды, не вынеся мук жажды.

Тогда голос подал Гордый:

– Доски, в которые вколочены цепи, разбухли от морской воды, если использовать весло, как рычаг, железный штырь может легко поддаться.

Он взял весло, зацепил за него свою цепь и протянул конец весла кузнецу.

– Навались на весло, – велел он кузнецу, а сам что есть силы ухватился за цепь чуть подальше от кандалов, окольцевавших руки музыканта.

Цепь натянулась от двойных усилий, несколько секунд поборолась, и железный штырь, скрипя, вышел из подгнившего от постоянной влаги дерева, и впервые за долгое время Гордый сделал шаг, его ноги едва не подкосились от непривычки. Таким же образом он помог освободиться остальным рабам, и вскоре все четверо были свободны, отковали и умирающего, который все равно не понимал, что происходит.

Освобожденные рабы, гремя цепями, выползли на свет Божий, и свет этот ударил им в глаза. Яркое солнце поливало пустынную палубу, только сказать, что палуба была пустынна – значит, врать немилосердно. Возле сломленного и изорванного паруса лежал человек, или останки его, весь обсаженный крысами, выползшими из весельного на пир. При появлении людей они резко кинулись в разные стороны, от-

крыв их взорам почти совсем обглоданные останки человека. От качки по палубе катались пустые бутылки, зловеще брэнча, слабый ветер трепал остатки паруса. Жалкое судно окружала зеленая вода без всякого намека на близость земли, небо было чисто и прозрачно.

Гордый с вождедением смотрел на это небо, будто бы не замечая ужасной картины, поразившей его товарищей.

– Великие боги! – прошептал Пожилой. – Никак это Мильгар, цепь-то его.

– Зверю – звериная смерть, – сплюнул Кузнец.

– О чем вы толкуете! – насмешливо бросил Молодой. – Вас-то самих, какая участь ожидает. Смотрите: вокруг вода.

Все прониклись этими словами Молодого, они лишь ненадолго отложили свою гибель, или они уйдут ко дну при очередном шторме, или умрут от жажды и голода.

Гордый, наконец, очнулся от лирического созерцания чистого неба и сказал:

– Давайте-ка для начала избавимся от цепей и мертвецов, мертвецы несут заразу.

Его собратья по несчастью презрительно уставились на Гордого.

– Зачем? Какая разница? – спросил Молодой. – Все равно мы погибнем.

– Зачем тогда ты родился, все равно ведь погибнешь? – спокойно ответил Гордый и обратился к кузнецу. – Пойдем, найдем, чем сбить колодки.

И они сбили колодки, они спустили за борт всех мертвцов из трюма и троих с палубы, которых нашли у руля, а еще они нашли Родерика, бесконечно пьяного, погрызенного крысами и почти выпавшего за борт. С помощью ведра воды его привели в чувство. Родерик открыл глаза и зачем-то одновременно рот, но увидел, или смотрел только на Гордого.

– Ты жив еще? – как-то сумел он удивиться.

– Чему дивишься, ведь и ты жив! – сказал Гордый.

– Меня спасло то вино, что эти недоумки зачем-то наливают в дорогие стеклянные бутылки.

– Куда ты плывешь, Родерик? – спросил Гордый, и Родерик наконец-то увидел злых и нетерпеливых рабов за спиной у Гордого.

– Скажи лучше, где у вас еда и вода, – зло рявкнул Молодой.

Родерик хотел, было, ответить, но Гордый, уверенный, что его ответ не понравится Молодому, сказал последнему так властно, что рабу оставалось только послушаться:

– Заткнись!

– Мы плыли в Эльдере, но теперь мы плывем в Вал-Халлу, – улыбаясь, ответил Родерик.

– Что это – Эльдера?

– Это рай на земле, – ответил за Родерика Пожилой. – Там золотые берега, а на деревьях вместо листьев самоцветы.

– Ты потому и стал рабом, Армах, что до сих пор веришь сказкам! – насмешливо сказал Родерик, поднимаясь. – Что за

Эльдера? Эльдеры нет, разрази ее гром! Путь морской ведет к краю земли. Мы доплывем и сорвемся в Бездну!

– Я видел мореходов, которые возвращались с края земли, – тихо сказал Гордый. – И они говорили, что он прекрасен.

– Не говори глупостей, раб! – фыркнул Родерик. – У нас нет воды, только вино, у нас нет еды – одни только крысы.

– Я много лет по твоей воле питался крысами, – усмехнулся Гордый. – Так ничего же – выжил. Нам нужно установить парус и плыть дальше, только так мы сумеем спастись. Эльдера, не Эльдера, но хоть куда-нибудь мы доплывем, а вот так кружиться на месте – равнозначно смерти.

Родерик уважительно склонился перед рабом и сказал:

– Назови хоть теперь свое имя.

– Раб я, – усмехнулся Гордый. – Покажи ребятам, где вино, пусть утолят жажду, и пора уже браться за дело.

Жажду утолили, утолили и голод, изловив и поджарив несколько крыс, которые дотеле питались человеческим мясом. Родерик с помощью кузнеца и Молодого поставил парус, затянутый новой материей, заткнул дыры в весельном, – и печальное судно подхватил ветер, и понес по волнам к краю земли.

На дромоне командовал Гордый, он почти не разговаривал, но командовал. Гордый часто смотрел на небо с таким вожделием, так радостно улыбался звездам, что однажды Родерик не выдержал и спросил его, стоящего под ночным

небом:

– Что видишь ты?

– А что видишь ты? – усмехнулся раб.

– Небо, – ответил Родерик.

– И я вижу небо, и ночь. Сквозь ее дырявый плащ светят звезды, – тихо сказал Гордый. – Но ты хотел спросить о другом.

– Доплывем ли мы, раб?

– Мы доплывем, Родерик, ты и я. За остальных не ручаюсь, – твердо ответил раб. – Но видит Бог, как бы мы не пожалели об этом.

– Говорят, что из Эльдеры никто еще не возвращался, – полушепотом сказал Родерик, – но те, кто это говорит, как-то странно отводят глаза. Я решил плыть за море, чтобы увидеть золотой берег, чтобы привезти моей Милославне самый большой икар из всех существующих в мире, сверкающий, как солнце, сравнимое лишь с ее очами.

– Ты больше не увидишь ее, – грустно сказал Гордый. – Да и она не будет ждать тебя. Только твой потомок поплывет за тобою в Эльдеру. Он будет великим, твой потомок.

– У меня нет детей, раб, – уронив голову на грудь, сказал Родерик.

– Почему ты знаешь? – усмехнулся Гордый. – Ведь ты уже много месяцев не был дома, вдруг Милославна понесла. Тогда не прервется линия большой крови.

– Лучше бы не было у меня детей, ибо не увижу я их!

– Это не тебе решать.

В полосу лунного света вышел кузнец, лицо его было мрачно и немного испуганно.

– Откуда, дери ее, она взялась, – пожал он могучими плечами. – Молодой не встает, Армаха полощет не хуже нашего паруса.

Раб и Родерик встревожено переглянулись.

– Их нужно выбросить за борт, – сказал Родерик.

– Лучше сам выпрыгни, – огрызнулся кузнец. – Все равно мы умрем, зачем укорачивать жизнь другим.

– Иди спать, кузнец, – спокойно сказал Гордый. – Иди и спи, не беспокойся за своих товарищей, хоть их участь и predetermined, они получают достойную смерть. Утро все прояснит.

Кузнец подозрительно покосился на Родерика и ушел.

Они немного помолчали, затем раб сказал:

– Мы должны выбросить их за борт...

Утро все прояснило, но это не оказалось приятным. Молодой и Армах исчезли, кузнец, Родерик и Гордый лежали на палубе, задыхаясь, обхватив животы, все потные под палящим солнцем; за бочкой притаились крысы, готовые попировать в свое удовольствие. Их заметил кузнец:

– Скоро они съедят нас живьем, проклятушие. Это ты, Гордый, назвал на нас заразу! Зачем мы только ели их! Теперь они оставят от нас одни кости!

– Положись на волю богов, – слабым голосом ответил Гор-

дый. – Они не допустят, что меня съели крысы.

– Ты всегда был выше нас! – зло сказал Родерик. – Ты гордился, вот боги и покарали твою гордыню.

– Это невозможно, – совсем слабо сказал Гордый и закрыл глаза.

– Он подох, что ли? – удивленно спросил кузнец.

– Нет, вроде дышит. Уснул, – ответил Родерик.

– Я всегда знал, что с ним что-то нечисто. Это он накликнул на нас беду! – воскликнул кузнец, корчась в судорогах.

– Заткнись, и не говори, чего не знаешь, – фыркнул Родерик. – Мы доплывем в Эльдеру, а мой потомок последует по моим стопам. Мое имя пребудет в веках, а твое забудут, потому что ты дурак. Как твое имя?

– Кешаль, – хрипло ответил кузнец.

– Имя раба, – усмехнулся Родерик.

– И бога, – внезапно сказал очнувшийся Гордый и жадно стал смотреть на небо. – Господь не оставил меня, но мне не дотянуться до его ладоней...

Родерик повернулся на спину и уставился на безликий голубой свод.

– Так что ты видишь?

– Только небо, – тихо вздохнул Гордый, и лоб его покрылся испариной боли...

Первым очнулся кузнец от свежего порыва ветра, налетевшего с запада и наполнившего обвисший парус. Он повернул голову и увидел ноги Родерика, раскинувшегося на палубе,

самого Родерика, Гордого, а потом других людей и понял, что люди эти стоят на берегу, а их дромон увяз на песчаном пляже. Он с трудом поднялся и помахал людям, которые тут же кинулись врассыпную.

– Вставай, Родерик, – пнул его кузнец, и когда Родерик, кряхтя, поднялся, добавил: – Вот она твоя Эльдера, дери ее.

Родерик взглянул на толстые деревья, чистую протоку, разноцветных шумных птиц, галдящих в густых ветвях, и сказал:

– Пошли, что ли.

– А этот? – спросил кузнец, указывая на спящего Гордого.

– А этот сам найдет свою дорогу. Пошли. Он очнется и, быть может, догонит нас, а может, решит идти дальше, но нам лучше сойти на берег сейчас, – сказал Родерик.

И они ушли.

Белая изящная птица безбоязненно села рядом с головой раба и ущипнула его за нос.

Раб открыл глаза, и испуганная чайка взмыла ввысь.

– Эльдера, – улыбаясь сухими бледными губами, сказал бывший паж, – дери ее...

8.

Антон выключил лампу и в старых шлепанцах прильнул к кровати. Ему было одиноко, и он с раздражением подумал, что Наташа сейчас, вероятно, сидит в “Белузе” с каким-нибудь натянутым хлыщом, каковых много вьется вокруг нее и будет виться во все времена, а он навсегда останется для нее на втором плане. Он потер глаза, и устало засунул голову под подушку с давно не менянной наволочкой; но сон не шел. Он не шел к нему уже на протяжении трех месяцев, которые растянулись в целую жизнь. Так бывает, что суть всей жизни человека умещается в небольшом отрезке его бытия, и все до и после – лишь малозначимый фон.

Антон жил хорошей жизнью. Родился в провинции, но родители были достаточно богаты, чтобы дать ему столичное образование. Став против своей воли историком, он не пошел работать ни в школу, ни в музей, ни куда еще, а увлекся музыкой. Антон был рок-гитаристом одной столичной и не особо популярной группы. Он от души играл в ресторанах и на корпоративах, доходы его были невелики, но их хватало на то, чтобы заниматься историей. Ведь кое-что историческое его все же интересовало – старинные драгоценности. Антона очень увлекала судьба разных корон и ожерелий, драгоценной посуды и редких камней. Он даже купил одно старинное серебряное кольцо с довольно дефектным руби-

ном и богатой историей, чтобы... сделать предложение своей девушке Наташе.

Наташа была проста и прекрасна. Ее интересовала семейная жизнь и дети. Она любила Антона и, естественно, раздражалась на его образ жизни. Ну, подумайте, какая может быть семья с рок-музыкантом, спускающим все деньги на никому не нужные безделушки! Вот бы он взялся за ум! Сделал бы ей предложение! Именно так, а не в обратном порядке.

Три месяца назад Антон и Наташа любили друг друга, ругались, но были счастливы. А теперь Антону приходится довольствоваться одинокой постелью, разбитыми надеждами и раненой гордостью. Он чувствовал себя глупцом, буридановым ослом и ничтожеством!

Три месяца назад в странных исторических дневниках, которые его профессор приписывал итальянцу Анджелони, а сам Антон считал абсолютной подделкой, он нашел описание утерянного шедевра ювелирного искусства – ожерелья графини Пиро, состоящего из ста одиннадцати редкостных бриллиантов. Почтенный историк описывал его как россыпь слез Девы Марии, как собранные на нить жизни падшие звезды, как ослепительный дождь желаний... и много чего еще. Антон очень впечатлился таинственным старинным фолиантом, найденным в частной коллекции, и возможностью отыскать ожерелье, как указывал Анджелони, в цистерианском монастыре Девы Марии, в усыпальнице сестры Кармино. По описанию историка, ожерелье благочестивая монахиня но-

сила всю свою длинную жизнь, потому что... не могла снять. Ее так и похоронили в сверкающей россыпи бриллиантов на старческой груди.

Маловероятно, что такое мог написать сам Анджелони, еще более невероятно, что после смерти Кармино никто не попытался снять драгоценность даже ценой осквернения тела благочестивой монахини, и уж совсем сомнительно было то, что такой неглупый человек, как Антон, мог бы во все это поверить и загореться идеей отыскать ожерелье графини Пиро. Но это случилось. Даже школьник не повелся бы на этот бред, а он был все-таки дипломированным историком! Что нашло на него, он и сам не понимал. Деньги, которые он копил на свадьбу с Наташей, пошли на покупку билетов в Испанию. Теперь он понимал, что поступил глупо.

Как ни странно, Наташа не устроила истерику, не укорила, а обрадовалась. Ей эта поездка казалась предсвадебным подарком. Наивная дуручка! Как и все нормальные женщины, она считала, что мир крутится вокруг нее! Она, счастливая, паковала чемоданы, предвкушая теплое море, солнечный песок и разноцветные ракушки. А ее нареченный ломал голову, как бы повернуть свою задумку.

Но это еще не все. Был у Антона хороший друг. Он хоть и не разделял страсти Антона к старинным побрякушкам, зато очень любил качественный рок, именно музыка связывала красивого рыжеволосого, с правильными чертами лица, хорошо сложенного Антона с его противоположным дру-

гом. Слава был тощ, черноволос, с угловатым и резким лицом. Несмотря на не слишком привлекательную внешность, он был обходителен, умен и вел себя настоящим джентльменом. Это и привлекало в нем Настю – его девушку. И это были довольно безнадежные отношения. Настя не отличалась неотразимой красотой, но ее милое личико в хорошем ракурсе очаровывало мужчин. Она не стремилась иметь кучу поклонников, и ее стремление полностью реализовалось. Слава стал первым и единственным, кто не спасовал или был недостаточно в себе уверен, чтобы обладать подобным подарком. Естественно, в этой паре не горела страсть, но Слава любил, а Настя уговаривала себя, что если к тридцати годам она не обзавелась толпой поклонников, что ж, сгодится и этот парень. К тому же он был добр и верен.

Так вот, непонятно зачем, но Антон позвал с собой в Испанию Славу и Настю. За каким чертом он это сделал, толком объяснить Наташе Антон не сумел. Он старательно мямлил о том, что страна неизведанная, они в первый раз за границу едут. В общем, это была вторая глупость подряд, что он умудрился совершить.

Слава долго не хотел поверить, что они едут не отдыхать, а расхищать гробницу.

– Ты прямо как Лара Крафт! – в ужасе смеялся он над Антоном. – Мы едем в другую страну. Ты полный дебил, если можешь помыслить о подобной ерунде!

– Я просто посмотрю, – неловко оправдывался Антон. – Я

всю жизнь буду сожалеть, если не попытаюсь. Может быть, нас ждет великое историческое открытие! И в лучшем случае, я подарю своей невесте такой подарок, который позволит нам жить безбедно до самой старости. Если меня поймут, ты увезешь Наташу обратно в Россию.

– Я знал, что ты чокнутый, но не настолько же, – глядя на Антона как на умалишенного, сказал Слава. – Подумай хорошенько!

Антон подумал, но исторический азарт и жажда наживы перевешивали в нем все доводы рассудка, и в назначенный день четверо друзей вылетели в солнечную Каталонию.

Поначалу все шло хорошо. Живописная природа испанского юго-востока, величественные холмы Каталонии, полные исторического могущества местечки, небольшие старинные деревеньки, – этот турпакет отличался от представлений Наташи. Она никак не могла взять в толк, когда появится отель и пляж, зачем они таскаются по неинтересным историческим развалинам, пока не поняла, что ради этих потресканных развалин они сюда и прибыли. Не ради уединенного почти медового месяца, а для того, чтобы посещать странные и величественные монастыри типа Святого Креста и прочей скукотищи. Все женское и человеческое взыграло в ней, и огромное цунами разочарования обрушилось на рыжеволосую голову Антона. В Вальбоне Наташа собрала чемоданы и с ближайшей тургруппой уехала в Барселону, прихватив с собой... Славу.

Слава ни за что бы ни отважился на подобный поворот, если бы его не попросил об этом Антон. Вечером после страшного скандала в отеле при монастыре Девы Марии, то есть уже на месте, на том самом месте, где крышу Антону окончательно сорвало от близости драгоценностей, он сам попросил Славу сопровождать Наташу в Барселону. Слава вначале онемел от дружеской просьбы, а когда дар речи вернулся к нему, он выдал следующее:

– Ты совсем рехнулся, дружище! Пора лечиться. Тебя бросила невеста, потому что ты обманул ее. Вместо того чтобы попытаться хоть что-то исправить, ехать с нею на пляжи, ты просишь своего друга, который, на минуточку, тут тоже с девушкой, проводить Наташу?! Серьезно?! Дебил пустоголовый, ты в своем уме?!

– Я не могу отпустить ее одну. Что с ней случится в дороге, она сама не своя! Как она кричала сегодня! Да, я дурак, что взял ее с собой, но как еще я мог объяснить свою поездку?! Она бы бросила меня еще в Москве. А так хоть был шанс...

– А как я должен объяснить все Насте?! Нормально! Мы бросаем турпакет и едем в Барселону! Втроем. Я и две девушки. Нет, я еще не сошел с ума!

– Пусть Настя остается здесь со мной. Скажи ей, ну что-нибудь, убеди, ты же умеешь врать красиво. Она вроде хотела посмотреть исторические места... Отвезешь Наташу, посадишь ее на самолет, и как раз успеешь вернуться за Настей.

Я оплачу все твои расходы... Я сделаю, о чем ты меня так жалобно просил год назад.

– Я не... – Слава осекся и задумался, да, год назад он просил Антона продать ему автограф Пола Маккартни, естественно, безрезультатно, а тут такой случай. Нужно было хорошенько подумать.

Он подумал. И уехал с Наташей. Объясняться с Настей долго не пришлось: она оказалась понимающей или бесхарактерной, тут уж как посмотреть на дело. Слава обещал вернуться через несколько дней, а пока она могла вдоволь бродить по живописным холмам, узким улочкам знойного испанского городка или таскаться за Антоном в монастырь. Настя предпочла первые два варианта. Здесь ей нравилось все: неспешный уклад жизни, поля, холмы с террасами, редкие туристы. Но в глубине души ей все же было непонятно, почему уехал Слава, почему он уехал с Наташей и отчего ей совсем не грустно.

В тот же вечер они с Антоном напились и разоткровенничались.

– Я хочу найти это ожерелье, – вещал проболтавшийся Антон. – Я хочу сделать в жизни хоть что-то толковое, такое... большое. Потому что, знаешь, как меня называет Славка? – пустоголовым. Да, я пустоголовый, пустомеля, пустое место. Даже родители меня воспринимают лишь как наследника! – и он громко стукнул об стол стаканом.

Настя взяла стакан и поцеловала его ободок.

– А я завидую тебе. Ты решился на эту фигню. Может, ты и пустоголовый, – пьяно засмеялась она, – но зато счастливый. Я целую Славку, как этот пустой стакан – без вкуса, без опьянения. И... наверное, я не грущу, что он уехал.

– Не кори его за это, – строго помахал пальцем Антон. – Я его попросил, теперь ты знаешь почему. Давай не будем друг другу мешать: я попытаюсь проникнуть в монастырскую начинку, а ты в свои путаные мысли.

На том они и порешили. Но пока Антон тщательно исследовал монастырь снаружи и очень осторожно изнутри, не зная, как подступиться к своей сложной миссии (ведь никто не станет пускать туриста в склеп действующего монастыря), начали происходить еще более незапланированные вещи.

Для начала, за Настей стал увиваться руссо туристо, путешествующий с группой венгерских унылых католиков. Звали его Макс. Он был большой, богатый, потасканный и слишком часто пьяный. Знакомый венгр зазвал его на цистерианский путь, обещая пробуждение души и освобождение от разврата. Но ни того ни другого не произошло. Жизнь для Макса оставалась все той же непонятной и обременительной субстанцией, что и раньше. Но кое-что в этом путешествии ему все же понравилось: странная одинокая молодая женщина, довольно симпатичная и неглупая. Он познакомился с нею в отеле, который никак нельзя было назвать многолюдным. Не считая венгерских паломников, из приезжих женщин в нем была только Настя. Она понравилась Максиму боль-

ше от скуки, и он решил приударить.

Пьянящий испанский воздух, романтический дух старины, возможно, сама сущность запрещенных человеческих страстей древнего монастыря вскружили голову временно брошенной женщине. Макс умел ухаживать красиво, уверенно и очень по-хозяйски, он словно предлагал поединок флирта; и Настя приняла этот вызов. Вместе они гуляли по узким улочкам Вальбоны, карабкались на терассы, смеялись над пугалами на местных полях. Казалось, весь мир закольцевался вокруг них, и не было ничего помимо. Наверное, так и началась бы их любовь, если бы не вернулся Слава.

Он долго не мог отцепиться от Наташи, проклиная свою жадность и одержимую глупость друга. Он мчался обратно, словно предчувствуя некое горе. И оказалось не зря. В отеле он нашел Антона, изучающего нацарапанные им чертежи монастыря, и не сумевшего ему ничего вразумительного ответить на вопрос: а где Настя.

Настя пришла только к вечеру. Она выглядела разочарованной приездом парня, и на следующий день Слава узнал, почему. Но он не закричал, не обрушил на женщину ревность и ярость, кто скажите, был виноват в том, что Настя осталась одна? Кто уехал с другой, пусть даже просто подругой? Действовать надо было осторожно и решительно. Но Слава уступал Максиму по всем возможным параметрам: невзрачнее, беднее, нерешительнее, глупее. И пусть даже он, Слава, готов прожить с Настей всю жизнь, несколько ярких

дней, проведенные с Максом оказались для Насти дороже.

К счастью, турпакет подходил к концу. И для вальбонской компании наступил час истины. Ровно час.

Антон сидел за завтраком черный, как туча: ничего не вышло. Он не сумел проникнуть в усыпальницу сестры Кармино, а совершить взлом – кишка оказалась тонка. Все было зря, он потратил деньги, время, поругался с невестой, и об этом горько жаловался не менее мрачному Славе:

– Ты, как всегда был прав, я полный дебил. Дерьмо! на что я надеялся! Как наваждение! Пора домой. Ты чего такой мрачный?

– Я оставил на тебя свою девушку, между прочим, потому что ты попросил меня побыть с твоей, я возвращаюсь, а она гуляет по окрестностям с развязным качком! И ты еще спрашиваешь, почему я мрачный?! Ну, знаешь ли, все зашло слишком далеко! Ага! – злобно продолжил Слава, – молчишь?! Я поехал с тобой лишь потому, что хотел по-дружески помочь!

– Ты поехал потому, что тряпка, – не выдержал Антон, последние дни он был на нервах, и не задумываясь резал правду-матку. – И она тебя не любит, лучше ты узнаешь об этом сейчас, чем через десять лет, будучи отцом пары детей. К черту эту ведьму, рано или поздно она бы наставила тебе рога!

Глаза Славы налились кровью, он хотел было вклепить Антону дружескую пощечину, но тут уверенная и сильная ла-

донь легла на его плечо, а мужской голос по-русски вежливо спросил:

– Простите, вы русские туристы?

Друзья обернулись на обладателя сильной ладони: высокий господин лет сорока пяти с доброй улыбкой смотрел на соотечественников.

– Приятно встретить своих так далеко от Родины, – улыбнулся он. – Позвольте мне разделить с вами завтрак, надоело слушать венгерскую речь.

– Вы из группы венгерских паломников? – догадался Антон.

– Да. Я русский, но долгое время уже живу в Европе, – сказал мужчина, подсаживаясь к их столику. – Меня зовут Александр Дмитриевич.

Друзья вежливо представились и предложили новому знакомому разделить с ними завтрак.

– Любите старинные монастыри? – поинтересовался Александр Дмитриевич, ловко расправляясь с тостадой. – Я обожаю. В этих стенах словно заключено тщетное человеческое стремление к Богу.

– Вы историк? – с большой долей надежды спросил Антон.

– В некотором роде, – улыбнулся его собеседник. – Я маг, путешествую по местам памяти. А вы?

– Я историк, – ответил Антон, немного оторопевший от профессии собеседника.

– По какой части?

– Моя специальность – история ювелирных украшений.

Александр Дмитриевич удивленно вскинул брови и застыл с чашкой кофе.

– Но как это связано с монастырями? – неуверенно спросил он.

– Никак, – предупреждая ответил Слава, тяжело глядя на назойливого туриста. – И мы уже уезжаем.

– Жаль, – сокрушился мужчина. – Я давно не был в России, и мне приятна ваша компания.

– Связано, – прервал его Антон, вызывающе глядя на друга, – по моим сведениям в этом монастыре есть сокровища, представляющие исторический интерес.

Александр Дмитриевич вздрогнул и ошарашено глянул на Антона.

– Вот как, – только и мог он сказать.

– Да не слушайте его, – рассмеялся Славка, больно пнув Антона по ноге под столом.

– Да, так, – не унимался Антон, было все равно, поверит или нет этот турист его рассказам, но ему очень хотелось доказать свою значимость хотя бы перед ним. – Ожерелье Пиро, может, слышали о таком. Сто одиннадцать редкостных бриллиантов, ограненных самим Перуцци, просто легенда или правда. Вот что я хотел узнать. Но оказался пустоголовым мечтателем и неудачником, – и Антон расстроено захрустел круассаном.

Александр Дмитриевич выглядел потрясенным, ни боль-

ше, ни меньше, казалось, рассказ Антона так поразил его, что он с большим трудом сохранял самообладание.

И тут, на двадцатой минуте, в ресторан вошла милая парочка: Настя под руку с Максом. И все переменялись в лице. Антон был смущен и растерян, он вроде как чувствовал свою вину в том, что не доглядел девушку друга. Сам друг потемнел еще больше и пытался сохранить последние остатки самоуважения. Настя была бледна и жаждала провалиться сквозь землю; а ее сопровождающий вызывающе улыбался. Но интересней всего оказалась реакция Александра Дмитриевича: лицо его изменилось до неузнаваемости, вся невозмутимость слетела с него, в один миг выражение страстной жажды и безумного страдания в глазах слепило из него молчаливую статую человека, пораженного молнией. Он, не отрываясь, смотрел на Настю и Макса, словно видел их не в первый раз.

Настя присела за столик к друзьям, а Макс расположился за соседним, близко, чтобы слышать все, видеть и вовремя вмешаться.

– Доброе утро, – желая разбить неловкое молчание, сказала Настя.

– Привет, – ответил Антон подсевшим голосом. – Познакомься – Александр Дмитриевич, тоже русский турист.

Настя глянула на обомлевшего туриста и дружески подала ему руку.

– Приятно познакомиться, – с улыбкой сказала она, игно-

рируя Славу.

Александр Дмитриевич дрожащей рукой взял протянутую ладонь и вежливо коснулся губами кончиков пальцев.

– Как необычно, – неуверенно сказала Настя. – Современные мужчины уже не целуют рук.

– Вы прекрасны, – улыбаясь, сказал Александр Дмитриевич. – Простите за фамильярность, лицом вы напомнили мне мою первую любовь.

– Как удивительно! Как ее звали?

– Изабелла, она была испанкой. К сожалению, она рано покинула меня. В те времена врачи не умели лечить...

– Настя! – не выдержал Слава, которого поцелуй незнакомца довел до белого каления. – Нам нужно поговорить. Давай выйдем.

– Я все тебе сказала, – продолжила Настя, видимо, еще незаконченный вчерашний разговор. – Извини, я не могу быть с тобой.

– Давайте не будем выносить сор из избы, – примирительно сказал Антон. – Нам пора собирать чемоданы, а не ругаться. Разберетесь со своими отношениями в России. К тому же Александру Дмитриевичу совсем ни к чему слушать ваши разборки. Милые бранятся – только тешатся, – сказал он и продолжил, обращаясь к туристу. – Насчет ожерелья: мне не удалось даже взглянуть на него, но я верю, что оно существует. Глупые монашки никого не пускают в свою святая святых, я потратил кучу денег, чтобы убедиться в их непо-

рочности.

– Вы уверены, что в монастыре есть драгоценности? Цистерианки довольно аскетичны, – заметил Александр Дмитриевич, не сводя с Насти глаз.

– Тогда, – решительно заявил Антон, – я подам официальный запрос и буду действовать от лица исторического факультета МГУ, но я добуду это ожерелье, я хочу, и когда-нибудь восстановлю историческую истину!

– А я хочу все прояснить прямо сейчас, – окончательно закипел Слава. – Здесь и сейчас! Либо я, либо этот резиновый косяк!

Настя оцепенела, но вовсе не из-за неучтивости бывшего парня: Макс решительно встал и дополнил вальбонскую группу, усевшись между русским туристом и Славой.

– Продолжай, – властно велел он Славе. – Ты что-то хотел выяснить. Я к твоим услугам. Может, выйдем.

– Парни, – забеспокоился Антон, – мы в чужой стране, у нас самолет, и мало денег. Настя, останови это. Забирай своего и уходи.

– Настя никуда не пойдет, – заявил Макс. – Меня тут хотят оскорбить, а я не тряпка. Слушать и молчать, это не про меня.

– Слава, – негромко сказал Александр Дмитриевич, – не стоит ссориться. Ваш друг прав: это другая страна, вернетесь в Россию и проясните все, что угодно и как угодно. А здесь поостерегитесь.

– Что ты вылез черт старый, – нашел на кого безопасно излить свой гнев брошенный Славка. – Сиди и помалкивай.

Макс грозно навис над Славой, но турист сильно надавил ему на плечо, и он покорно сел.

– Я не позволю вам устраивать пошлую драку в присутствии женщины, столь дорогой для меня, – произнес он, и голос его звучал, как камень. – Это святое место. Ведете себя, как два петуха.

– Что?! – взревел Славка. – Дорогой для тебя, ах ты еще и с ним, хороша же!

Костлявый кулак брошенного Славы прямо и беззвучно ткнулся в самоуверенное лицо туриста, Александр Дмитриевич замер от неожиданности, но не успел даже встать, как началась драка. Макс схватил за шкуру обезумевшего от ревности Славку и начал трясти, содрагаясь от его пусть неумелых, но сильных ударов. Антон пришел на выручку другу, и был позорно повержен смелым Максом.

А дальше все случилось по типичному сценарию: испанская полиция, участок, хорошенький штраф за драку в общественном месте, и самолет домой.

В разгар потасовки Александр Дмитриевич галантно увел даму, и больше ни даму, ни туриста никто из драчливой троицы не видел. Антон и Слава вернулись со своей тургруппой домой, судьба Макса им осталась неизвестна, Настя на звонки не отвечала.

Теперь Антону эту дурная поездка могла казаться плохим

сном, но по прибытию в Россию с ним начали происходить странные вещи. Каждую ночь он просыпался от одного и того же кошмарного сна: Настя в синем бархатном платье, какие носили лет триста назад, стоит на обрыве скалы и уверенная сильная рука толкает ее в острую каменистую бездну. На черта ему снилась чужая девушка, он сказать не мог, почему она снилась в таком странном контексте, было еще более непонятно, но эти страшные сны совершенно измучили бедного историка. Не выходил у него из головы и русский турист, положивший глаз на Настю, почему он так заинтересовался рассказом Антона, где она, с кем? С Максом? Славку он не видел с тех пор, как прилетел в Москву, да тот и не стремился больше к общению со своим ненадежным другом.

Но сны, это еще не все. Множество странных, пугающих вещей происходило в простой жизни Антона: безлюдные звонки в дверь, вещи, которых никогда не было у него в квартире, появлялись без причины и исчезали. Антону казалось, что кто-то старательно сводит его с ума. Ему было страшно.

Антон дотянулся до мобильного, немного подумал и набрал знакомый и ненавистный номер. Долгие гудки – и ответ:

– Да?

– Славян, ты не спишь?

– Нет.

– Мне нужна Настя.

– Я не знаю, где она.

– Ты можешь мне объяснить, что происходит?! – закричал

Антон, поднимаясь с кровати.

– А ты мне? – голос в трубке был огорченным и язвительным. – Я даже не знаю, вернулась ли она из Испании, и я больше не хочу слышать о ней, о тебе и всей этой бредятине. Я же сказал: с меня довольно. Я хочу жить по-человечески и тебе того же желаю. Иди и упади в ножки Наташе, женись на ней, будь счастлив, и хрен с тобой, с тобой и всеми твоими заскоками!

– Ты не знаешь, что со мной происходит. Я нашел его, – полусшепотом сказал Антон.

– Кого – его? – недоуменно спросил Слава.

– Мага, ну того туриста, который был с нами в Вальбоне. – Я знаю, где его искать.

– Зачем? – презрительно спросил Слава.

– Приезжай ко мне, Славян. – Сегодня мне звонил Макс.

– Вы с ним номерами обменялись? – съязвил Славка.

– Нет, он сам меня нашел как-то. Он тоже не видел Настю с того момента, как она ушла с тем туристом. Наверное, она у него, и я, кажется, знаю, где его искать.

– Какое тебе дело до чужой девушки?

– Она не чужая, Настя была мне хорошим другом, и в отличие от тебя, поддерживала меня. К тому же она мне бесконечно снится, будто просит о помощи.

Слава отключился, и в трубке воцарилась тишина. Антон недоуменно посмотрел на телефон и брезгливо бросил его на диван: вот и все. Он искал обыкновенное ожерелье, а нашел

необыкновенного человека, а его другу не интересно. Славку даже не волнует судьба бросившей его женщины, будто в одночасье она стала незнакомым человеком. Вот ты какой, верный друг! Антон медленно сходит с ума, и никому нет дела до того! А Наташа! оставила его, ни разу не позвонила, значит, не любила. Ей веры не хватило, она не доверяла ему с самого начала, а он, как слепец, этого не замечал, вот и остался один. От обиды и страха было жарко и хотелось выпить. Последняя идея особенно польстила Антону. Не переодеваясь, он сбегал в ближайший алкомаркет, и вернулся с бутылкой водки. Антон быстро, дрожащими пальцами открутил крышку, и хотел уже было, прямо из горлышка выпить, но трель дверного звонка остановила его испуганную руку.

Это было опять то самое, но вдруг нетерпеливый ночной гость – Славян, Антон на цыпочках подкрался к двери и прикинул к глазку: на площадке тишина, и соответственно, пустота. Антон постоял еще немного и вернулся в комнату: бутылка стояла початая, рядом стакан, на нем губная помада и остатки водки. Антон поежился и запустил стаканом в висевшую на стене репродукцию медведей. Стакан ойкнул и рассыпался на осколки, которые разбежались по ковру.

Звонок в дверь повторился: звонили настойчиво и долго. Антон отставил бутылку, которую хотел послать вслед за стаканом, и прокрался в прихожую, словно боясь спугнуть непрошеного гостя. Но площадка была пуста. Антон сплю-

нул и дрожа вернулся в комнату к водке и стакану, уже целому и невредимому, измазанному неизвестно кому принадлежащей помадой.

Антон аккуратно отодвинул стакан на край стола и щелбаном послал его в угол. Стакан ткнулся в стену и примолк.

Антон отхлебнул из бутылки, не обращая внимания на стоны и трели звонка, но когда они сменились ударами в дверь, передумал быть невозмутимым, и в два прыжка оказавшись в прихожей, открыл дверь.

– Чего ломишься, я не глухой, – недовольно проворчал он, впуская Славу.

Слава вошел и без лишних предисловий спросил:

– Где она?

– Кто? – язвительно спросил Антон.

– Не пясничай! – рявкнул Слава, хватая его за грудки.

– У него, – спокойно ответил Антон.

– У кого? Ты можешь выражаться яснее?

– Глянь-ка, – Антон кивнул на бутылку водки и стоящий рядом стакан.

– Ты не один? – удивился Слава, отпуская его.

– Один.

– Ну и чего?

– Это ее стакан, понимаешь, – сказал Антон и повертел его в руках. – Видишь, – он указал на след губной помады. – Это ее помада, такая была у нее на губах в тот вечер, и она пила из этого стакана. Он все время появляется у меня в комнате,

я уже и разбивал его, и в мусорку выносил, – все тщетно.

– Ты рехнулся? – спокойно спросил Слава и налил себе водки.

– Да, – обреченно сказал Антон и взял у Славы бутылку. – Я схожу с ума.

– Ладно, тогда поехали к нему, – немного помолчав и пронзительно сверкнув глазами на унылого Антона, сказал Слава и принял бутылочную эстафету.

– Мы поедem, но сначала соберем всех. Впятером мы это начали, вместе и закончим. Мне это кажется правильным.

– Где же ты будешь их искать?

– Макс скоро придет сам, ну или приползет, последний раз, когда он мне звонил – лыка не вязал. А Наташу... ты мне поможешь. Предлагаю на время забыть о наших разногласиях.

– Ладно, все в прошлом – кивнул Слава, ему все это казалось выдумкой запившего друга, но встретиться с Настей очень уж хотелось. К тому же, вдруг ей правда, нужна помощь, он выручит ее, как волшебный супергерой и тогда все у них будет хорошо.

Наташу они нашли именно там, где и предполагал Антон, – в “Белоузе”

Слава заглушил мотор и, глядя перед собой на яркие огни Москвы, сказал:

– Я с тобой не пойду. Разбирайся с ней сам. Звони, если понадобится силовая помощь. Смотри, как я подкачался, –

и он продемонстрировал Антону бицепсы.

Антон кивнул и пошел добывать свою невесту.

Она сидела за столиком в первом ряду от сцены, на которой бесновался Кровавый под звуки рваного рока. Наташа мило и очень наигранно улыбалась кошелькастому мужику, но время от времени на лицо ее набегало раздражительное недовольство.

Антон без приглашения сел за столик и, не обращая внимания на удивленного кавалера, сказал Наташе:

– Котенок, пошли.

Наташа перевела взгляд на белого от ярости спутника, который без предупреждения обрушил на затылок Антона стеклянную бутылку. Раздался визг, глухой удар, сломанный стул бухнулся на сцену, Кровавый перестал петь, взирая, как Слава вытаскивает за руки бесчувственного Антона и скрывается в дверях, как вслед за ним срывается Наташа, оставляя на месте происшествия орущего кавалера со сломанной рукой...

– Я все понял, – уже дома простонал Антон, прижимая к затылку пакет замороженных пельменей. – Этот удар подарил мне не только шишку, но и озарение. Слава, подай мне ноут.

Слава протянул ему ноутбук и устроился рядом с Наташей, заботливо мажушей перекисью слипшиеся от крови кудри Антона.

– У меня фотографическая память. Зря ты изводил меня,

засранец, – зло сказал Антон. – Я с тобой поквитаюсь за эти сны. Когда тот турист сказал, что он маг, я подумал, что он имеет в виду – фокусник, но нет, он и впрямь исчадие ада.

– Я все еще ничего не понимаю, – пробубнил Слава. – Может тебе скорую вызвать? Чего ты зациклился на этом туристе? Да и с чего ты взял, что Настя с ним, да еще и не по доброй воле? Может, любовь у них.

– Тебе бы все, что я пережил. Меня месяц мучили кошмары, а наяву являлись стаканы, книги и стыдно сказать, что еще. Я не сумасшедший, проверялся уже. Помнишь, что он нес про свою любовь, как она похожа на Настю, как ручки ей целовал? У меня было время, и вот, что я нашел. Его фото.

Все трое уставились на небольшую миниатюру, появившуюся на экране ноутбука.

– Это его портрет, – констатировал Слава. – Чего он так вырядился?

– Сейчас поймешь, – усмехнулся Антон, в предвкушении потирая руки. – Перед тобой единственное сохранившееся изображение герцога Родриго Альбана-и-Бланко, жившего около пятисот лет назад.

– В чем прикол? – не понял Славка. – Ты нашел похожий портрет и опять несешь пургу.

– Слушай, – оборвал его Антон. – В источнике 17 века я нашел очень интересную историю. Некий Филиппе Альбана-и-Бланко, герцог, приближенный короля Испании Филиппа, без вести пропал в Карибском море, оставив все со-

стояние и титул Родриго, своему сыну от последнего брака, законность которого так и не была подтверждена. Молодой наследник, объявившийся аж через двадцать лет после смерти отца, занял достойное место среди правящей элиты Испании, но он отличался крайне странным нравом, что в дополнении к его непонятному происхождению нажило ему кучу врагов. В один прекрасный день молодой Альбана просто исчез, отправившись в путешествие, говорили, что он стал пиратом или брави. И все. Больше ничего. Родриго никогда не состоял ни в одном ордене, никогда не ходил в церковь и не был женат. Но... – Антон сделал паузу, – но это он – маг.

Слава прочистил горло и сомнением посмотрел на Антона:

– Забавная история. Зачем ты нам ее рассказал? Этот тип жил пятьсот лет назад, Антон.

– Я знаю, – отмахнулся он, – может, он как “Горец” живет тысячи лет. Ты только посмотри на его портрет!

Слава снова уставился на миниатюру: сходство было несомненным.

– Может, просто похож, – неуверенно вставила Наташа. – Есть же похожие люди, как две капли воды.

– Нет, – сказал Слава, в замешательстве почесав затылок. – Это тот самый турист, у него кольцо такое же, я еще в Испании заметил этот перстень.

Звонок в дверь нарушил скромное очарование минуты озарения.

– Я открою, – тихо сказала Наташа.

На пороге стоял Макс, он был пьян и с трудом держался на ногах, он мало что понимал, но все равно делал вид, что в теме.

– Вы кто? – удивленно спросила Наташа, снизу вверх благоговейно взирая на большую фигуру Макса.

Макс аккуратно пододвинул Наташу, проковылял в комнату и обнял Славу, как женщины обнимали его – за шею.

– Слава, – пролепетал он. – Мы с тобою братья. Она бросила нас обоих. Она не любит никого, она ушла...

– С магом, – оборвал его Антон. – Взгляни-ка.

Макс уставился на экран, но даже в его пьяных глазах мелькнул огонек понимания.

– Значит, ты нашел его, как и обещал?

– В закрытой базе данных, Макс, кстати, спасибо за код доступа, – Макс божественно склонил голову, – я пробил вот его.

Антон показал всем удивительно похожего на предыдущий портрет мужчину.

– Позвольте представить, Александр Дмитриевич Дубовской – врач-психиатр, профессор, практикующий колдун: снятие порчи, сглаза, поиск пропавших, правит карму. Макс, тебе не надо поправить карму?

– Надо, – кивнул Макс.

– Вот и отлично, поехали, здесь и адрес есть.

Через час они были на Кутузовском. Нужный им дом спал,

потому что в мире было три часа ночи, а это как известно, самый сон. Макс, хотел было, запеть, но его заткнули.

– Скажите, почему пьяницам так хочется петь, когда всем остальным хочется спать? – хмыкнул Слава.

– Пошли, ребята, иначе я точно спою, – сказал Макс, недоброжелательно глядя на своего соперника.

Они позвонили в домофон, и дверь подъезда гостеприимно открылась, впустив их в темную пустоту. Где-то тихо замыкал кот. Наташа вздрогнула и обхватила руками плечо Антона. Он приобнял ее, и они начали подъем. Но сколько этажей они ни прошли, все не кончалась лестница.

– Я что-то не пойму, – сказал Макс, начавший постепенно трезветь. – Сколько этажей в этом доме?

– Ну же, дай себя найти, – тихо прошептал Антон. – Нам надо вниз, а не вверх. Он намеренно водит нас за нос.

И они пошли вниз, пока не оказались в подвале. Но что это был за подвал! В московском подвале оказалась шикарная гостиная: пол устлала персидские ковры, на стенах gobелены, в старых канделябрах – толстые восковые свечи. У небольшого камина в кресле сидела Настя в темно-синем бархатном платье, какие носили, вероятно, лет триста назад. Она повернула голову и открыла глаза – изумрудно-зеленые и совсем безжизненные.

– Помогите, – прошептала она бескровными губами.

– Настя, – тихо выдохнул Макс, держась за плечо Славы. – Настя...

– Разве? – послышался в тени металлический голос. – Разве это ее глаза, ее платье, разве так царственно она поворачивала голову?

Маг вышел из темноты и сел за стол, на котором лежала открытая книга.

– Неужто это правда? – изумленно прошептал Слава и слегка попятился: у него были свои причины опасаться этого человека.

– Проходите, друзья мои, – маг указал на стоящие перед накрытым столом кресла, которых еще минуту назад не было. – Угощайтесь, ешьте, пейте. У меня лучшее вино во всем мире. Не могу себе отказать в небольшой слабости.

– И ты распиваешь его с сатаной? – поинтересовался Антон, удерживая Макса, который порывался подойти к Насте.

– Что вы, друзья мои! – усмехнулся испанец. – Я не вожусь с нечистью и очень редко прибегаю к магии. Не волнуйтесь, я не причинил вашей подруге никакого вреда.

– Мы сядем, – Антон подтащил к креслу Макса и силой всех своих мускулов заставил его сесть. Слава и Наташа последовали за ними.

– Да, очень редко прибегаю к магии, – повторил испанец. – И мне жаль, но придется.

Внезапно из-за спинок кресел выскочили ремни и накрепко привязали великолепную четверку, что вызвало вполне обоснованный рык гнева у Макса.

– Давайте начистоту, – процедил маг. – Я уже давно не

разговаривал ни с кем начистоту. Вы забиваете себе головы пустяками. Жаль, Антон, что ты не сошел с ума, было бы гораздо проще. У вас много вопросов, но разве вам не достаточно того, что вы знаете, поймите, лишнее знание принесет вам горе, а не радость. Я тоже думал, как вы когда-то, и вот взгляните, – он встал и развернулся перед ними туда-сюда, – чем я отличаюсь от вас? У меня больше морщин и душевных ран. Знание – смертельный яд. Оно будет вас медленно убивать, но умрете вы от глупости. Вы сумасшедшие люди. Антон, зачем тебе ожерелье Пиро? Ожерелье, которое ты не сможешь продать, а разбирать его на камушки – кощунство! Оно украшало грудь благочестивейшей из женщин, и оно должно принадлежать только ей, так предназначено судьбой. Ты хочешь пойти против судьбы?

– Я просто хотел доказать, что оно существует, мне нужно было восстановить историческую справедливость. Я хотел всего лишь увидеть его, – твердо сказал Антон.

– Ты хотел сдать его в музей! – гневно вскричал маг. – Это святыня для меня, и я не позволю.

Маг замолчал и налил себе вина.

– Вы дон Родриго Альбана? – спросил Слава.

– Я что, похож на пятисотлетнего старика? – мрачно ответил маг. – Упомянутого тобой лица никогда не существовало.

– Но оно есть в исторических хрониках, – возразил Антон, пытаясь распутать ремни, что было полнейшей бессмысли-

цей.

– Мало ли чего не понапишут в хрониках!

– Слушай ты, старый козел! – заорал Макс, к которому наконец-то вернулся дар речи.

– Заткнись, – властно сказал маг, и Макс заткнулся. – Ты молодец, Максимилиан. Дивное имя, так называют властителей и воинов. Но, вообще, ты меня не интересуешь. Меня никто не интересует. Я устал, как собака. Наверное, скоро умру, но напоследок хочу поговорить с нею, – он кивнул на Настю.

– Отпустите нас, – тихо попросила Наташа.

– Обязательно, деточка, – маг грустно улыбнулся. – Я не злодей, но увы и не ангел, я кажется, даже не человек. А может быть я человечнее любого человека, я хотя бы не прикидываюсь, что божий избранник и не лезу в драку почем зря, – и он кинул свирепый взгляд на Славу. – Я же никому ничего плохого не сделал. Я много видел, слышал, знаю слишком много, но видит Бог, это не принесло мне счастья. Я бы отдал весь остаток моей жизни, чтобы исправить один единственный грех, но вот этого упокоения мне как раз и не дано.

Да, я дон Родриго Альбана, испанский вельможа, ставший лихим брави. Потом я стал Джоном Корнуэлом, подданным королевы Виктории. Я канувший в лету Иккохтли, я безымянный раб по кличке Гордый, и я же, – маг подошел к Антону и наклонился к его уху, – я же придворный паж принца Семульгада по имени, – но имени никто не расслышал, ибо

он прошептал его на ухо Антону.

Антон вздрогнул и уставился в пол.

– И, тем не менее, – продолжил маг, – я никто, и вряд ли когда-нибудь стану хоть кем-нибудь. Во множественности теряется суть. А без сути нет существования, так что можете считать, что меня нет. Вам в этом отношении повезло гораздо больше. Только вы почему-то этого не цените! – закричал он, страшно вращая глазами.

– Я могу повелевать сутью, но не знаю своей сути, может, я ее вовсе лишен?! Это ли милость божья?! Я могу грандиозное, но не могу элементарное, – он взмахнул рукой, и с разверзнувшегося потолка вместо перепуганных жильцов посыпались драгоценные камни. – Это ли не грандиозно! Но к чему мне они, если я даже не могу признаться в любви, если не могу иметь друзей, детей и поклоняться Богу?! В этих стекляшках нет жизни. Смотри, Антон, ты это хотел увидеть?!

Маг достал из кармана пиджака ожерелье Пиро и положил на вытянутую руку. Сто один бриллиант какой-то необычайной огранки, и все вместе сверкающий ливень, завораживающий, ослепляющий, и каждый, кто смотрел на него, хотел его только для себя.

– Ты бы все равно не нашел его в склепе Кармино, зря ты хотел нарушить покой ее светлой души, – грустно сказал маг, перебирая сверкающие камни. – Я снял его с моей прекрасной возлюбленной, когда душа ее устремилась в рай, ибо ей место в раю. Мы никогда не встретимся больше, так хоть

часть ее я могу держать в руке, – и он убрал ожерелье в карман.

– Но я жалок. Оправдываюсь перед мальчишкой, – он метнул взгляд на Настю. – Лишь ради тебя. Пусть ты не она, но у тебя ее лицо, я отниму у Бога еще хотя бы мгновение рядом с тобой. Сам создам то, чего Господь лишил меня. И это будет последнее, что я хочу сделать, и не мешайте мне, – рывкнул он, наливая вина.

Маг подошел к Антону и сказал:

– Выпей.

Антон замотал головой, но чаша сама приникла к его губам, и вино само полилось в его глотку.

– Через тебя насытятся все, – прошептал он, – ибо ты породил эту жажду.

Через минуту все четверо спокойно спали на креслах, не нужны были ни ремни, ни цепи, чтобы удерживать их, сон крепче любого сторожа охранял их покой; и ни мага, ни Насти не было в подвале.

А был туман, он клубился на перекрестке, он шептался с рожью и рекой, на мостике через которую стояла черноволосая женщина в бархатном синем платье.

Родриго взошел на мостик и приблизился. Он галантно поклонился, как мог кланяться только паж легендарного принца, и поцеловал край платья высокомерной женщины.

– Я рад приветствовать тебя, – тихо и взволнованно сказал Родриго.

– Мне нужно поговорить с тобой, Родриго, – сказала женщина, и деревья за ее спиной ласково зашелестели.

– Я люблю тебя, – с улыбкой сказал Родриго.

– Я скоро умру.

– Ты не должна так говорить.

– Меня разрывает на части неистовство жаркого огня и неподвижность льда. Я умираю. Но с презрением отталкиваю данные мне Господом жалкие месяцы. Убей меня. Я не хочу, чтобы ты видел мои отвратительные мучения.

– Ты должна жить, я хочу хоть одно мгновение видеть тебя, хоть еще одно мгновение, – тихо сказал Родриго, опираясь о поручень рядом с женщиной. – Я искал и видел тебя в других женщинах, но все они не были тобой, лишь мимолетной тенью. И даже эти тени я страстно любил.

– Ты был счастлив? – спросила она, приподняв брови.

– Нет, у меня всегда была только тень счастья.

Женщина слабо улыбнулась и провела ладонью по обросшей щеке Родриго.

– Для меня ты желаннее всех мужчин.

– Но тебя больше не существует, – горестно сказал Родриго. – Я не успел, не отважился сказать тебе о своей любви. Я хочу не существовать вместе с тобой.

Родриго взял женщину за руку и нежно бережно прикоснулся к ней губами.

– Пусть я обманываю себя, но я проведу этот бесконечный миг с тобой...

Ветерок колыхнул туман, и туман поднялся, окутав непроглядной пеленой двоих на мостике, этот сообщник никому не позволил увидеть и услышать, ни один образ, ни один звук не просочился сквозь его стену.

На востоке всходило солнце. Оно окрасило небо в самый дивный из назначенных цветов – в цвет огня и возрождения жизни, цвет, завещавший напоминать об истине и вере в высшую справедливость. Рассвет прогнал ночь, и развеялся туман, и утих ветер, и умолкла рожь, замерев в предутреннем блаженстве. На одиноком мостике сидела большая белая птица дня и чистила перья. Она резко повернула голову на звук и вспорхнула в светлый небосклон. Так наступил день...

Антон открыл глаза и осознал, что жив, что свободен, что находится в темном и грязном подвале, заваленным всяким хламом, и что он может двигаться, чем вспугнул серую мышь, бросившуюся в сумрачный угол подвала. Затем он проверил, живы ли остальные, и они оказались живы.

Слава сказал, поднимаясь с пола:

– Что это было?

Наташа обняла Антона и, заглядывая ему в глаза, сказала:

– Просто сон.

– А Настя где? – прохрипел Макс, вставая.

– Я здесь, – раздался ее голос. – Вот бы кто помог мне встать.

Макс пробрался в дальний угол, поднял ее на руки и вынес из темного закутка, в котором хранились лыжи. На ней

было все то же дурацкое синее платье, только вот глаза стали обычными, серыми, но для Макса эти обычные глаза были самыми дорогими и желанными.

Все молчали, не зная, с чего начать, им было неловко говорить о том, во что так трудно было поверить.

– Оба-на, – сказал Слава, – смотрите-ка, что я нашел в кармане. Интересно, он настоящий?

Он протянул на ладони большой красный рубин, сверкавший ровными гранями.

– Значит, он простил тебя, – сказала Настя, – ну за то, что ты тогда в Испании заехал ему по морде.

– Если камень настоящий, ты теперь миллионер, – сказал Макс, нежно обнимая Настю.

– Может, махнемся, – предложил Слава, имея в виду Настю.

– Нет, обмен неравноценный.

Все рассмеялись.

– Все-таки я нечестный человек, – сказала Настя, высвобождаясь из объятий Макса. – Слава у тебя же всегда есть зажигалка, посвети.

Настя достала из корсета небольшую книжицу в кожаном переплете.

– Что же здесь написано?

– Где ты это взяла? – спросил Антон, загораясь.

– У, тут все по-испански. Стащила у него со стола, пока он вас вином поил. Вот последнее по-русски!

«Я маг. Когда-то я родился, потом рос, мужал, зрел, как апельсин, пытался вырастить потомство, наконец, состарился, и, возможно, умру. Каждый человек думает, что возможно умрет. Забавно! В глубине души мы все надеемся, что этого не случится.

Жизнь моя была и длинна, и коротка. И всю ее я искал свою любовь в разных женщинах, но это была одна-единственная женщина, я тщетно и жадно старался разглядеть в них эту единственную, но время и пространство были союзниками Бога, а моими сомнительными друзьями только гордость и бессмысленность человеческого существования. Вот так во всей жизни своей я тщетно и жадно искал любимую, Бога и смысл своего существования».

– А что это за листок торчит? – спросил Макс, вытягивая пожелтевшую бумагу и разворачивая ее. – Ни хрена себе! – ляпнул он, увидев карту неведомой местности.

– Ребята, – волнуясь, сказал Антон, – это карта, наверняка, здесь не обошлось без сокровищ. Смотри, вот Мехико, а это что? Чалько вроде бы, да?

Друзья переглянулись. Антон мечтательно улыбнулся и сказал:

– Я слышал в Мексике сейчас такая хорошая погода, самое время для небольшого путешествия...